

Елена Усачева

БОЛЬШАЯ КНИГА УЖАСОВ

2

Проклятие Волчьей бухты
Призрак Ивана Грозного

Большая книга ужасов

Елена Усачева

**Большая книга
ужасов – 2 (сборник)**

«ЭКСМО»

2008

Усачева Е. А.

Большая книга ужасов – 2 (сборник) / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2008 — (Большая книга ужасов)

«Проклятие Волчьей бухты» Что это за место? Аномальная зона, логово волка-оборотня, пристанище неупокоенных душ? Или просто уединенная бухта, отлично подходящая для тренировок юных пловцов? В спортивном лагере все тайком бродят по ночам, все что-то скрывают... А однажды утром Маринка просто исчезла. Говорят, она уехала домой. Но Тамара догадывается: это неправда. Ведь она нашла дневник исчезнувшей девчонки... Ранее повесть «Проклятие Волчьей бухты» выходила под названием «Призраки Волчьей бухты». «Призрак Ивана Грозного» Того, кто попытается ночью пробраться в школу, ожидает самый настоящий кошмар! Коля Мишкин решился на это, чтобы украсть классный журнал. И выяснил: учителя превращаются по ночам в жутких монстров. Но его заметили... Чудовища записали Колю в 6 «Я» класс, где учатся призрачные тени давно умерших детей. А тому, чье имя окажется в списках класса мертвецов, жить остается всего три дня...

© Усачева Е. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Проклятие Волчьей бухты	5
Глава I	5
Глава II	15
Глава III	23
Глава IV	31
Глава V	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Усачева

Большая книга ужасов – 2

Проклятие Волчьей бухты

Глава I

Дневник Марины Гусевой

Маринка пропала в среду утром, 10 августа, а в четверг Томка нашла тетрадь с истрепанной обложкой.

Тетрадь лежала в кустах. Страничка, на которой заканчивался текст, была заложена ручкой. Как будто Маринку на минутку отвлекли, она отложила свою работу...

И больше к ней не вернулась.

Томке стало страшно. Она смотрела на одинокую тетрадь и боялась к ней притронуться, словно это был не обыкновенный набор листочков, а сама Маринка Гусева. Только не живая, а мертвая.

Гусева исчезла утром, сразу после тренировки. Ребята отплавали свою норму, потом тренер Наталья Ивановна разрешила всем немного отдохнуть, и они как ненормальные снова бросились в воду. Маринка с утра чувствовала себя плохо, отлеживалась в палате. Но когда все вернулись, Гусевой уже не было. Только постель ее была вся перевернута, как будто Маринку насильно стаскивали с нее. Больше ее не видели. Она словно испарилась. Ни около домиков, ни около столовой, ни у моря ее не было.

Томка упала на колени рядом с кустом.

Значит, вчера она сидела здесь, ждала, когда позовут на обед, и писала свой дневник. Зачем Маринка сюда поднялась? Она даже на постели сидела с трудом. На этот же обрыв надо карабкаться. Да после такого подъема Гусева должна пластом лежать, а не дурацкий дневник заполнять! А что она делала потом? Встала и растаяла в воздухе?

Это все Светка!

Томка дала слово, что плакать больше не будет. Все слезы были выплаканы вчера. Ревели хором все девчонки, мальчишки особняком стояли в стороне и не знали, что делать. После обеда они прочесали все побережье, выходили к дороге.

Никаких следов.

Они даже дошли до ближайшего поселка. Оттуда ходил автобус до города. Местные жители только плечами пожимали. Чужие у них не появлялись.

Маринка как в воду канула.

Томка посмотрела вниз. Отсюда открывался красивый вид на море. Оно искрилось в лучах солнца. Глазам было больно на него смотреть. Легкий ветерок подгонял еле заметную волну. Был полный штиль, как говорят моряки. В такую погоду тяжело утонуть. А Маринка слишком хорошо плавала, чтобы пойти ко дну при любой погоде.

Волчья бухта, где обосновалась школа спортивного плавания, была узкая. С двух сторон ее плотно охватывали горы. Если отплыть подальше и что-нибудь крикнуть, например: «Хари-тонова – дура!» – это слово полчаса будет эхом метаться между гор.

Если бы Маринка тонула, она бы крикнула, и ее услышали бы.

Это все из-за Светки!

В секцию по плаванию Томка Цыганова пришла самой первой и плавала лучше всех. Тренер Наталья Ивановна удовлетворенно кивала и не забывала повторять Томкиным родителям, что из их дочери вырастет настоящая спортсменка. Если, конечно, Тамарка не начнет лениться. А потом пришла Маринка Гусева. Она переехала в их город откуда-то издалека и плавала не ахти как хорошо. Сначала. А потом она обогнала всех. Цыганова и оглянуться не успела, как Маринка опередила ее на соревнованиях, а потом и вообще стала бодро скакать с разряда на разряд.

– Талант, – обронила как-то Наталья Ивановна.

Талант, где ты?..

Томка шмыгнула носом, вытерла слезы и робко подошла к кусту. На нее смотрели длинные колючки. Изрядно расцарапаешься, прежде чем доберешься до тетради. Томка спустила пониже рукава рубашки и сжала зубы. Ничего, терпеть боль она умеет.

После Маринкиных побед Тамарка стала упорно тренироваться. Чтобы она так легко уступила свое первенство!

Какие же глупые мысли приходят в голову в двенадцать лет! С тех пор прошел целый год, и Томка стала умнее. Сейчас бы она за Маринкой не гналась, а тогда...

Что бы Цыганова ни делала, Гусева все равно шла впереди. И что самое ужасное – ей это ничего не стоило. Ей было все равно! С тем же успехом Маринка могла бы вышивать крестиком или вырезать лобзиком. Везде она была бы первой. И все это совершенно не грело ее душу.

А потом всем объявили, что лучшие поедут в летний лагерь на море.

Как все начали стараться! Мальчишки даже дополнительные тренировки устраивали, лишь бы пройти все зачеты.

И тут вдруг появилась эта Хомякова-Хохрякова.

На самом деле ее звали Светка Харитоновна, и похожа она была на Муми-тролля из сказки. Маленький носик, кругленькие щечки. Тамарка ее фамилию никак не могла запомнить, поэтому и прозвала Хомяковой-Хохряковой. Плавала Светка плохо, так что о поездке на море могла и не мечтать. Но когда зачитали общий список, она там была.

Не было Маринки.

Вот тогда-то Томка впервые увидела, как Гусева умеет злиться. За Маринку встала вся группа, и ее внесли в список. Но Хохрякова-Хомякова там тоже осталась, хотя все были против нее, и Наталья Ивановна обещала подумать.

Цыганова зажмурилась и чуть ли не с головой нырнула в куст. Руки и лицо обожгло болью.

Но тетрадка! Вот она!

Томка отпрыгнула назад, прижимая к груди добычу. Теперь-то откроется все.

О том, что Маринка ведет дневник, Цыганова с удивлением узнала уже в лагере. Самой Томке ведение дневника казалось скучнейшим занятием. Сидеть каждый вечер, что-то писать. Нет, этот подвиг был не для нее. А вот Маринка сидела и писала. И не пять минут. Пока девочки плескались перед сном в душе, Гусева забиралась с ногами на кровать и что-то строчила в свою тетрадку. Заглянуть ей через плечо мечтали все. Но никому это не удавалось. Маринка тщательно берегла собственные тайны. Никто не догадывался, где она хранила свои секреты. Дневник появлялся вечером, а ночью его уже не было ни под подушкой, ни в тумбочке. Девочки это проверяли. И не раз.

– Ведьма она, вот и все, – однажды брякнула Хомякова-Хохрякова, вгрызаясь в запрещенное для всех печенье. – Просто рисуется. Хочет показать эдакую загадочность. А на самом деле пишет там всякую чушь. «Погода хорошая. Море спокойное». – И Светка потянулась за новым печеньем.

Был вечер после отбоя. Последний вечер перед Маринкиным исчезновением. Девчонки торчали в ванной комнате, наводя последний марафет перед сном. Маринка, как всегда, сидела в палате. Уже тогда она говорила, что плохо себя чувствует.

После харитоновских слов Тамарка демонстративно ушла из туалета, хлопнув дверью. Все-таки Светка была на редкость вредной девчонкой. Ее давно следовало бы проучить. И у Цыгановой был уже разработан план.

Она вернулась в палату. Не глядя на занятую своими мыслями Маринку, прошла к Светкиной кровати, чуть приподняла решетку с пружиной и сдвинула немного в сторону. Если Светка сядет на свою кровать со всего размаху, то с грохотом полетит на пол.

– А тебе не кажется, что в этой бухте мы не одни? Что здесь есть еще кто-то, и ему очень не нравится, что мы приехали?

От неожиданности Томка вздрогнула и обернулась. Маринка задумчиво водила концом ручки по своему носу.

– Еще скажи, что ты заметила призраков, – фыркнула Цыганова. За прошедшую неделю ничего, кроме моря, она не видела, и этого ей было вполне достаточно. – И они тут бродят с горящими глазами и ищут, кого бы съесть.

– Они не бродят. – Маринка почесала ручкой нос. – Они ждут своего часа, чтобы нас уничтожить.

– Не смешно! – отмахнулась от такой глупости Томка. В коридоре слышались шаги – девчонки возвращались из туалета, и вот-вот должно было начаться представление с падением.

Особой дружбы между девчонками не было. Тяжело дружить, когда твой успех является неудачей для другого. Маринка Гусева просто нравилась Томке. Она была вся такая загадочная.

И вот до чего эта загадочность довела – человек исчез. Был – и нет.

Тамарка провела ладонью по дневнику, словно погладила. Больше ничего для Маринки она сделать не могла.

На первой странице была нарисована какая-то фея, в руке у нее была волшебная палочка. Из кончика волшебной палочки вырастал стишок:

Кто возьмет альбом без спроса,
Тот останется без носа.

Нос у Томки сразу зачесался. Она схватила его всей пятерней и старательно потерла.

– Ничего, сегодня можно, – пробормотала она, на всякий случай оглядываясь – не следит ли кто-нибудь за ней. Обрыв, на котором она устроилась, был пуст. Только море вдали бессовестно смеялось, блестя на солнце.

– Я тебе, – зачем-то погрозила морю Томка и перевернула страницу дневника.

С фотографии на нее смотрела Маринка. Светлые волосы собраны в короткий хвостик, глаза, как всегда, грустные и задумчивые, губы растянуты в улыбке. В одной руке ласты, в другой – лейка.

Вот-вот, у Гусевой всегда так – чем занимается, непонятно. То ли плавает, то ли цветы поливает. Снизу фломастером была проведена стрелочка и приписано: «Это я». Дальше шли фотографии мамы с папой, кого-то с кем-то в школе и на улице. Все это Томка пролистала. Ей сейчас не было дела до чужих родственников и друзей.

Выпала ручка. Тетрадка сама открылась на середине.

Сверху стояло «10 августа, среда».

Вчерашний день.

«Сама не знаю, что со мной происходит. Всю ночь снились кошмары. Я раз десять тонула, пыталась всплыть, а на меня обрушивались все новые и новые водяные потоки. Потом присни-

лось, что я сижу на песке посередине бухты, а вокруг никого нет. Ни домов, ни ребят. Бухта совершенно пуста. Снова и снова приходит она – Чумочка. Твердит, что все умрут. Все!!!»

На этом запись заканчивалась.

Томка снова почесала нос. Вот уж чудеса так чудеса. Они в этой бухте неделю, Маринка кого-то видела, вела какую-то тайную жизнь, и никто об этом не догадывался. Может, Чумочка просто ящерица какая-то?

Подул ветерок. Цыганова подняла голову.

«С чего это вдруг Маринку на такие странные сны потянуло? – грустно подумала она. – Было же все хорошо».

Девчонки не раз пробовали проследить за Гусевой. Не может дневник испаряться. Вот он есть, а через полчаса нет. Его кто-то куда-то перекладывает. Скорее всего у Маринки есть тайник!

Следили, следили, да так ничего и не заметили. Дневник продолжал то появляться, то исчезать.

В конце концов девчонкам надоело отгадывать загадку дневника. Прячет и прячет, ну его! Тамарка же решила не спать всю ночь. Дневник не кошка, сам встать и уйти не может. Кто-то его уносит. Этого кого-то и стоит искать. Обычно девчонки засыпали сразу – тренировок было много, на болтовню и другие развлечения сил не оставалось. Томка честно крепилась полчаса, но и ее сморил сон.

Проснувшись она от скрипа кровати. Маринка сидела, вцепившись в подушку, и широко распахнутыми глазами смотрела перед собой.

«Сейчас дневник понесет прятать», – решила Томка, притворяясь спящей.

Но Маринка продолжала сидеть, раскачиваясь из стороны в сторону, и идти пока никуда не собиралась.

Окно палаты медленно открылось...

Тамарка, забыв о конспирации, приподнялась на локте.

В окне виднелась какая-то темная фигура. Маринка тоже на нее смотрела. Потом встала, подошла к окну, положила ладони на подоконник.

Томка вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть. Но Маринки в палате уже не было. Как была, в ночнушке и босиком, Цыганова помчалась к окну, выскочила на улицу.

Трещали цикады. Ухала какая-то ночная птица. Шуршал прибор. Больше никаких звуков не было. Хотя шаги двух людей еще должны были быть слышны. Но их не было. Может, Маринка и этот «кто-то» улетели?

Странно все это.

Тамарка переступила с ноги на ногу. С непривычки босые подошвы колол жесткий песок. На улице было темно и неуютно, еле слышно шумело море.

Наверное, у Маринки завелся тайный воздыхатель, который таким странным образом вызывает ее на ночные свидания, рассуждала сама с собой Тамарка, карабкаясь обратно в палату.

Хотя какой здесь воздыхатель? Кроме своих же мальчишек, на несколько километров ни одной живой души.

И тут Томке бросилась в глаза еще одна странность – кровать Хохряковой-Хомяковой тоже пустовала.

Пока Цыганова размышляла о превратностях судьбы, разглядывая пустую кровать Харитоновой, за ее спиной возникла темная фигура. Секунду фигура постояла на месте, а потом медленно опустила руку Томке на плечо.

– Ну что, Цыганова, страшно?

От ужаса у Тамарки подкосились ноги, и она повалилась в проход между кроватями. В панике ей даже крикнуть не удалось – горло перехватило.

Отсюда, снизу, видно было лучше, и Томка сразу разглядела жиденькие бесцветные волосы. Даже нос пенечком заметила.

– Харитонов, ты псих! – громким шепотом произнесла Тамарка, выбираясь из-под кровати. – Меня чуть кондрашка нехватила.

– А чего ты ночью по палате шастаешь? – Светка плюхнулась на свою постель. – Хочешь так же, как эта сумасшедшая, – она кивнула на пустую Маринкину кровать, – в лунатики заделаться?

– Почему это Гусева сразу сумасшедшая? Кому-то, между прочим, тоже не спится.

И Цыганова выразительно посмотрела на Харитонову. Харитонов в ответ не менее выразительно посмотрела на нее. Ох, и неприятный это был взгляд. Холодный, колющий. Он словно сверлил Тамарку насквозь. Томке страшно захотелось сказать Светке какую-нибудь гадость, но от возмущения все слова у нее из головы выскочили, и она только громко засопела, поворачиваясь в сторону своей кровати.

Цыгановой совершенно не нравилось, что Хохрякова-Хомякова так пренебрежительно отзывается о Маринке. Кто она, в конце концов, такая – эта Светка! После лагеря она вообще из их секции исчезнет, об этом она всем говорила.

Как только Тамарка отвернулась от Харитоновой, мысли в ее голове перестали носиться в беспорядке и потекли ровнее.

– Ты на себя когда последний раз в зеркало смотрела? – буркнула Цыганова, в темноте пробираясь на свое место. – Также на нормальную сильно не тянешь.

– А чего она тогда каждую ночь в окно шастает? – отозвалась Светка.

– Надо, вот и шастает. – Тамарка налетела на чужую кровать и шепотом чертыхнулась.

Маринка тоже хороша, нашла себе ночное развлечение. Могла бы чем-нибудь мирным заняться. Завтра с утра кросс три километра. С недосыпу они недалеко от старта убегут.

– Твое какое дело? – бубнила Томка, обходя возникшее на ее пути препятствие стороной. – Ты вон тоже особенно на своем месте не лежишь.

– Я по делам ходила, – многозначительно хихикнула Светка.

– Вот и она тоже. – Для Тамарки оказалось делом чести отстоять Маринкины интересы перед этой гадкой Харитоновой.

– Знаем мы, какие дела бывают ночью... – противно причмокнула губами Хохрякова-Хомякова.

– В отличие от тебя, Маринка человек с головой и глупостями не занимается! – не сдавалась Томка.

– Ой-ой-ой, – протянула Харитонов.

Вдруг за окном раздался крик ночной птицы, и кто-то часто-часто зацикал, защелкал, затенькал. После короткой паузы снова протяжно завопили.

И наступила оглушительная тишина. Даже море шуметь перестало. Томка зажмурилась, ожидая, что страшные крики повторятся.

Однако ночь за окном молчала. И от этого стало как-то особенно не по себе.

– Вот и вчера так, – зашептала Светка, хотя ее никто не просил ничего говорить. – Только Маринка в окно, как птица орать начала. А первые ночи такого не было.

– Не твое это дело, поняла? – Тамарке стало очень неудобно, она поспешила закутаться в одеяло с головой. – Спи, завтра не встанешь.

Советуя Светке выспаться перед завтрашней ранней тренировкой, сама Тамарка, конечно, дрыхнуть не собиралась. Она хотела дождаться Маринку и обо всем ее расспросить.

Когда Хохрякова-Хомякова на своей кровати уgomонилась, в открытое окно потекли привычные ночные звуки. Скрипел рамой ветер, шелестели кусты, вздыхали ночные птицы. Море еле слышно шуршало галькой, лениво вздымало низенькую волну.

Цыганова так и видела, как эта волна не спеша накатывала на берег и убегала обратно. Но с каждым разом вода все ближе и ближе подбиралась к лежащей на берегу Тамарке. А ей было лень встать и отойти подальше. Даже рукой шевельнуть неохота. Волна шуршала уже совсем близко, легкие брызги падали на лицо. Еще, еще... И Томка оказалась под водой. Лень куда-то улетучилась. Тамарка встрепенулась и поплыла на глубину, потому что здесь, на берегу, ничего интересного не наблюдалось. А все важное было там, вдалеке.

Томка плыла, плыла, плыла, и ей было очень хорошо, пока она не сообразила, что так долго без воздуха под водой она быть не может. Поняв это, Цыганова утонула...

Неприятный сон приснился за два дня до Маринкиного исчезновения. Но тогда еще ничего не предвещало несчастья...

Тамарка пролистала дневник на несколько страниц назад.

Маринка была старательной, записывала каждый день. Минут по пятнадцать корпела над этой дурацкой тетрадкой. Поэтому в дневнике должно быть все, что с ней происходило. Должно быть объяснение странным ночным прогулкам.

После даты «3 августа» и слов «Вот мы и в лагере» все остальные страницы были старательно вымараны. Каждая строчка зачеркнута по несколько раз. На месте больших букв вышались черные холмики.

Цыганова закрыла дневник, досчитала до десяти и открыла снова. Перед ней опять были черные строчки.

Она зажмурилась. Вновь посмотрела на страницы. Все осталось по-прежнему.

– Этого не может быть, – прошептала Томка и стала быстро листать дневник сначала в одну сторону, потом в другую. И снова в начало. И опять в конец. От черноты рябило в глазах. Зачеркивания навязчиво лезли со страниц, рождая неприятный холодок в груди.

– А если так?

Цыганова захлопнула тетрадь. Зажмурилась. Ущипнула себя за руку. И, не глядя, распахнула на первом попавшемся месте.

Все те же зачеркнутые строчки.

Да, Маринка успела написать много. И кто-то приложил очень много усилий, чтобы все вымарать.

«Могла бы просто вырвать, – подумала Томка, ни на секунду не сомневаясь, что это дело рук Хохряковой-Хомяковой. – Не поленилась десяток ручек перевести. Часа два, наверное, черкала».

Светка почему-то сразу невзлюбила Маринку, хотя Гусева ее и пальцем не трогала. Не до нее было. Многие впервые попали на море, и им просто было хорошо оттого, что они здесь, что плескаются в теплой соленой водичке и подставляют животы солнцу.

Бег вокруг лагеря, часовые растяжки, километровые заплывы – все это было ерунда по сравнению с окружающей красотой.

Раньше в этой бухте что-то такое было. Местные жители, привозящие в лагерь продукты, вроде бы говорили, что здесь находилась лаборатория по изучению дельфинов. Но потом с лабораторией произошло несчастье, ее закрыли, а удачно прошедший ураган снес непрочные постройки. Только время от времени появляющиеся на горизонте дельфины напоминали о том времени.

Хотя дельфины могли приплывать и просто так. Захотели – и приплыли. Мало ли куда их занесет охота за мелкой рыбешкой?

На месте бывших лабораторий построили три летних домика и открытую кухню. Здесь и разместились двадцать человек юных спортсменов. Девчонки – в одном домике, мальчишки – в другом. А в третьем – два тренера, врач и повариха.

Противная Светка делала все, чтобы Маринкино пребывание в лагере было не таким радужным. Гусевой в спину неслись бесконечные «га-га-га», в супе у нее плавали мухи, компот

проливался на пол. После той странной ночи, свидетелем которой стала Тамарка, у Светки появилось новое развлечение. Она незаметно подкрадывалась к Маринке и начинала завывать на ухо. Отчего Гусева вздрагивала и бледнела. Но ничего не отвечала.

Сначала эти шуточки надоели девчонкам, а потом и мальчишкам. Хохряковой-Хомяковой была устроена хорошая взбучка. Правда, развлечение прервало появление Натальи Ивановны. Почему она именно сейчас решила заглянуть в домик к мальчишкам, никто не понял. Все видели, как тренер шла плавать. Плавала она обычно часа полтора. «Просто колдовство какое-то», – пожимали потом все плечами.

И где после этого справедливость?

Может, у Светки была своя причина ненавидеть Гусеву, и Маринка об этом знала. Поэтому терпела. И обо всем писала в свой дневник. Именно эти слова Светка и вычеркнула. А дневник спрятала, чтобы никто не нашел.

Хотя могла и просто уничтожить. Взяла бы спички и устроила маленький костер.

Тамарка снова открыла дневник.

Так. Анкета. Самые глупые вопросы, какие только можно придумать.

Анкета хозяйки дневника. «Любимый цвет – синий», «любимый школьный предмет – черчение». Ну-ну. «Любимый мультфильм – „Труп невесты“.»

«Такой есть? – мелькнуло у Тamarки в голове. – Что за гадость?»

«Любимый фильм – „Восставшие из ада“, „Обитель зла“, „Воскрешая мертвецов“.»

«Ничего себе наборчик, – мысленно присвистнула Цыганова. – Да от одних этих фильмов свихнуться можно».

«Любимый певец – обойдемся без попсы».

«Смешно», – хмыкнула Томка.

«Что такое дружба – способность человека идти с тобой до самого конца».

Угу.

«Самое заветное желание – победить мировое зло».

У Томки и так на душе было как-то нехорошо. А теперь совсем плохо стало. По спине пробежал неприятный холодок.

Вот это желанье! Врагу не посоветуешь. А ведь Тамарке казалось, что она Маринку знает. Дружит с ней, можно сказать. А на деле выходит, что Гусева чуть ли не инопланетянка. Прямо как Алиса Селезнева, девочка из будущего.

Следующие несколько страниц были заняты анкетами каких-то Даш, Маш и Вероник. Последней шла загадочная Чумочка. Писала она коряво, слова ползли то вверх, то вниз. Ничего особенного в ее ответах не было. «Нет», «нет», «не знаю», «разные».

– Чумочка, – прошептала Томка.

Неожиданно налетел прохладный ветерок. Тамарке стало холодно, руки и голые колени покрылись «гусиной кожей». Ей вдруг показалось, что в эту секунду какая-то странная фигура, напоминающая даму в черном, медленно подходит к ней со спины. От резкого поворота Цыганова чуть не съехала с обрыва вниз.

– Вот черт! – воскликнула она, когда солнце из холодного вновь стало горячим. – Привидится такое!

Она опять посмотрела на дневник. Под анкетой Чумочки стояло «5 августа, пятница».

В голову полезли всякие нехорошие мысли.

«Предположим, в бухте только свои. Значит, Светка наряжалась во все черное, приходила по ночам к Маринке, дневник ей заполнила. А Гусева оказалась такой глупой, что не разгадала розыгрыш и повелась на Светкино переодевание. Потом, когда все стало известно, Харитоновна скинула Гусеву со скалы. Чтобы скандала не было. И все, что Маринка про нее написала разоблачающего, она вычеркнула. Чтобы никто не догадался».

Цыгановой даже жарко стало от таких фантазий.

А что? Все сходится. Хохрякова-Хомякова на такое вполне способна.

– Эй, девочка! – Тамарка захлопнула тетрадь и повернулась.

Над обрывом проходила дорога, которой местные жители пользовались раз в сто лет. Сейчас был как раз тот случай. На дороге стояла ярко-красная легковая машина. Из нее выглядывал старик.

– Девочка, ты из лагеря? – поманил он Тамарку к себе.

Цыганова кивнула. Скорее всего это был кто-то из поселка. Местные привозили в лагерь продукты. Происходило это обычно утром. За продуктами посылали мальчишек в качестве наказания. Кто добровольно пойдет таскать тяжести? Чаще всего везло Андрюхе Павлову. Он вечно влипал в какие-нибудь истории, и его наказывали утренним подъемом в горы к дороге. Сейчас был день, и что здесь делал дед, было непонятно.

– Возьми у меня бидон, отнеси до своих, – попросил старик, распахивая заднюю дверцу машины. Там на сиденье лежала большая фляга. – Я должен был утром приехать, да не смог, сын у меня заболел. Самому к вам спускаться тяжело. А тут такая удача – ты. Я и не ожидал, что кто-то наверху будет.

– Я сама не ожидала, – под нос себе пробормотала Томка. Ей не очень улыбалась перспектива на своем горбу тащить вниз тяжеленную ношу. Надо бы кого-нибудь из мальчишек позвать.

– Сначала подумал, чужой кто ходит, – на одной ноте продолжал бубнить старик. – А потом, вроде нет, живая ты. Я и обрадовался.

– Здесь из чужих только чайки летают, – пыталась вклинить в стариновское пришепывание Тамарка. А потом осеклась. С чего это дед ее за мертвую принял?

– Я этих мертвяков не люблю, – все тянул дед. – Они, конечно, безбидные. Да кто их знает, что у них в башке сидит? Еще под воду уташат. Вроде пошутили, а мне конец.

– Это вы о каких мертвяках говорите? – Томка уже успела взгромоздить флягу на спину и приготовилась спускаться. Но после такого заявления она опустила свою ношу на землю. – Эй, вы что, бредите?

– А о каких же еще? О здешних, – с готовностью стал рассказывать дед. – Как лабораторию прикрыли, так они тут и бродят. В черном все такие. Уж их били и ловили, а они все обратно возвращались.

Тамарка вздрогнула. Ей вновь вспомнилась Чумочка из дневника. Может, это была не Светка?

– А чего это они бродят? – Цыганова зябко передернула плечами и осторожно посмотрела по сторонам. Вдруг какая опасность сзади подкрадется? Или сбоку? Ей начало казаться, что, как только она отвернется, за ее спиной тут же кто-нибудь появится. Годзилла или Кинг-Конг. Старик Хоттабыч в конце концов. Он тоже в гнев ужасен.

Старик пожевал губами, задумчиво глядя в выгоревшее небо.

– Да кто ж их теперь знает? Химичили здесь что-то. Все дельфинов приваживали. Вот дельфины-то их и погубили, в море утащили, а души на берегу оставили, чтобы люди впредь к ним не совались.

«Сумасшедший», – мелькнуло у Тамарки в голове. Действительно, как-то не вязались истории о призраках и добрые милые дельфины, время от времени появляющиеся на горизонте. Да и с лабораторией не мешало бы разобраться.

Цыганова повернулась, чтобы поподробнее расспросить старика, но не успела. Остановившимся взглядом дед смотрел куда-то мимо нее. Заметив, что Томка на него пялится во все глаза, он вздрогнул и спешно забрался в машину. Взревел мотор. Колеса завизжали на сыпучих камнях.

Тамарка вцепилась во флягу, словно она ее могла защитить от любой опасности, и только после этого скосила глаза влево.

Там никого не было. Вроде бы темная тень мелькнула. Томка вывернула голову до хруста в шее. Но и за спиной никто не стоял.

Или не было никаких теней? Просто от резких движений у нее потемнело в глазах. Да и солнце сегодня какое-то ослепительное.

Машина уехала. На горизонте все так же плескалось море. Тамарка вздохнула, взвалила на себя флягу и потопала вниз по тропинке.

Ценный дневник она спрятала за пояс шорт, под рубашку.

Пыхтеть под тяжелой флягой Томке пришлось недолго. До тех пор, пока в нее не врезался Мишка Богдасаров.

На первый взгляд Мишка был толстым и неповоротливым. Но в воде его неуклюжесть исчезала. Плавал он быстрее всех, уверенно идя на взрослые разряды.

Сейчас Мишка был не в воде, а на суше, поэтому чуть не сшиб Томку с ног.

– Совсем ослеп! – в сердцах крикнула Тамарка, уворачиваясь от падающей фляги.

За «убежавшим молоком» никто не бросился. Ребята стояли и следили за тем, как алюминиевая тара, подпрыгивая и ухая, бодро катится с горы.

– А если разобьется? – философски изрек Мишка, и они одновременно помчались следом за беглянкой.

Фляга, видимо, решила не усложнять им жизнь. Стукнувшись о камень, она поменяла направление и застряла в колючих кустах.

И почему на юге всегда все кусты колючие?

Тамарка потеряла друг о друга голые коленки, расправила рукава у рубашки и глянула на тяжело отдувающегося Богдасарова.

– Лезь первый, – щедро разрешила она. – Я за тобой.

– А чего я? – Мишка посмотрел на свои голые ноги. – Наталья Ивановна зовет. Там тренировка начинается, а тебя нет. И вообще она велела никому из лагеря не уходить, пока Гусеву не найдут. А то взяли манеру пропадать. Ищи вас потом!

Томка поправила выскакивающую из-под рубашки заветную тетрадь, шмыгнула носом и упрямо тряхнула головой.

– Иди, иди, – подогнала она задумчивого Богдасарова. – Наталья Ивановна говорила, что мальчики должны помогать девочкам.

– Еще чего, – Мишка явно собирался удрать. – Там колючки. С расцарапанными ногами в воду не пустят.

– Что? – Тамарка стала наступать на Мишку, и тому волей-неволей пришлось попятиться в кусты.

– Между прочим, таскать еду должны дежурные, – тягостно охая, Мишка потянулся за флягой. – Сегодня очередь Павлова. Я вчера натаскался. Плечи болят. А у нас завтра зачетные заплывы!

Мишка всегда таким был. Вместе они плавали уже три года. Больше того – пару лет назад Томка и Мишка учились в одной школе. Богдасаров постоянно ворчал. На уроки, погоду, еду, сложную задачу или холодную воду в бассейне. Но никогда ничего не говорил про само плавание. Плавать ему нравилось.

Томка покачала головой. Как же тяжело с этими мальчишками. Ничего не могут сделать просто так. Все у них с вывертом.

Фляга совершила за них почти всю работу. Половину расстояния она спустилась самостоятельно. Богдасарову оставалось пройти всего ничего – метров пятьдесят крутого спуска, а там за поворотом до столовой рукой подать. Говорить они об этом дольше будут, чем идти.

Краем глаза Тамарка заметила какое-то движение.

На дорожке стояла темная фигура.

Цыганова почесала макушку.

А ведь Наталья Ивановна предупреждала, чтобы они всегда носили кепки. И вот – пожалуйста. Тамарка всего полчаса посидела с непокрытой головой и сразу же солнечный удар схватила. Недаром у нее перед глазами все время черные пятна маячат.

Томка пару раз моргнула.

Фигура исчезла.

Мишкин голос все еще бубнил о мировой несправедливости и ближайшем зачете. Но судя по треску, у него получалось вытащить злосчастную флягу из кустов.

Тамарка крепко-крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, то на месте черной фигуры увидела Хохрякову-Хомякову.

Светка вырулила из-за поворота и стала взбираться как раз на тот обрыв, где Тамарка нашла дневник Марины Гусевой.

– И давно тренировка началась? – спросила она у Мишки, который уже почти вытолкал флягу на тропинку.

– Как я за тобой пошел, так и началась, – пыхтел Богдасаров. – Не будут же они тебя ждать? Много чести.

– Бежим!

Тамарка так резко схватила Мишку за руку, что тот выпустил флягу. Фляга секунду постояла на дорожке, размышляя, в какую сторону ей свалиться, и покатила в кусты.

– Так ведь я... – Слов от возмущения у Мишки не было.

Тамарка тащила Богдасарова за собой. Мишка же все еще смотрел в сторону несчастной фляги, с которой за это короткое время успел сродниться.

– Потом достанем. – Томка мертвой хваткой вцепилась в Богдасарова. Неповоротливый Мишка все еще норовил вернуться за флягой.

– Ты драться умеешь? – спросила Томка, останавливаясь.

Она понимала, что если в Маринкином исчезновении виновата Светка, то добровольно Харитонова ничего не расскажет. Придется применять силу. Сама Цыганова дралась один раз в жизни, и то в первом классе, когда они на перемене устроили грандиозную куча-мала. Мишка же задумчиво мял свои большие руки, всем своим видом показывая, что еще ни разу в жизни не дрался.

Да, компания у них подобралась еще та...

Глава II

Бег по пересеченной местности

Светка уверенно шла к обрыву, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Тамарка мчалась следом. Сзади топал Мишка, создавая столько шума, словно по путям одновременно шел десяток поездов.

Добравшись до заветного куста, Харитонова остановилась. Томка подкралась сзади.

Что делать дальше – она не знала. Накинуться на Светку с криком: «Ты – убийца! Сдавайся»? Тихо подойти и постучать по плечу?

Цыганова вытащила из-под рубашки тетрадь таким жестом, каким, наверное, революционеры доставали из-за пояса «наган».

Светка с удивлением смотрела на куст.

Томка медленно подходила к ней, пытаясь придумать, как лучше поступить. Но за нее все решил Мишка. Выбравшись на ровный участок, он отдышался и недовольно проворчал:

– И чего мы сюда карабкались? Могли бы и в обход пройти. Там дорога удобней.

Харитонова повернулась. Томка махнула дневником перед ее носом.

– Не это ли ты ищешь? – выпалила она.

– Положи обратно! – прыгнула вперед Светка.

Тамарка ловко увернулась и снова подразнила Хохрякову-Хомякову своей находкой.

– Что ты сделала с Маринкой?

– Отдай! Он не твой! – не сдавалась Харитонова, пытаясь подойти к Тамарке.

– И не твой тоже! – Цыганова неудачно ступила. Из-под ноги посыпались камешки – она стояла на самом краю.

– Девочки, хватит, – тянул Богдасаров. – Нам на тренировку пора.

– За что ты ее убила? – выложила свой главный козырь Тамарка.

– Ты что, с ума сошла?

У Светки были все шансы убежать. Томка стояла около обрыва, Мишка не собирался никого задерживать. Но Харитонова не уходила. Она двигалась вдоль кромки обрыва, не спуская глаз с тетрадки.

– А кто же еще? – Ух, как Тамарка сейчас ненавидела Светку. – Ты ее никогда не любила. Ты стащила ее дневник и все из него вычеркнула, чтобы никто не узнал, что Маринка написала!

– На солнце перегрелась? – Светка снова попыталась выхватить дневник, но в этот раз Томка была ловчее. Она поднырнула под Светкиными руками и отбежала подальше от края.

Харитонова качнулась на самом обрыве и замерла.

– Девочки, хватит ругаться, – продолжал нудить Богдасаров. – Пойдемте на тренировку.

– Дельфины!

Светка стояла лицом к морю, прикрывая глаза от яркого солнца ладошкой.

– Ой, правда, дельфины, – радостно подпрыгнула Томка.

На границе бухты мелькали черные плавники. Один, два, три, четыре!

Вот один дельфин показал спину, а потом и целиком вынырнул на поверхность. За ним этот трюк повторили еще два.

– Как красиво! – с восторгом произнесла Тамарка.

– Ничего красивого, – отрезала Харитонова.

Томка посмотрела на стоящую рядом Светку. Лицо у нее было перекошено злобой.

– Ты чего? – опешила Цыганова. – Это же дельфины. Они добрые.

– Доброго в них никогда ничего не было, – Хохрякова-Хомякова отошла от края. – Дельфины на зов идут. Она все-таки их вызвала. Скоро здесь будет весело.

И словно забыв о том, что только что с остервенением пыталась отнять у Томки тетрадку, Светка спрыгнула с обрыва в колючие заросли и захрустела кустарником.

– И на фига было сюда забираться? – проворчал Мишка, изучая широкую колею, оставленную Светкой. – Уже давно бы на тренировке были.

– Дурак ты, Богдасаров, – не выдержала Томка. – Тебя зачем позвали? А ты что делал? Мишка равнодушно пожал плечами.

– Я тоже должен был топтаться на самом краю и размахивать руками?

Тамарка раздраженно топнула ногой. Что с таким человеком разговаривать?

И вслед за Светкой спрыгнула в кустарник.

Что мы имеем? Дневник остался в целости и сохранности. От Светки ничего не узнали. Есть какая-то Чумочка, черные пятна перед глазами и дельфины, которых кто-то вызывает. Очень интересно, но пока совершенно непонятно. А вот Маринки до сих пор нет. И это грустно.

Цыганова прорвалась сквозь последний колючий заслон и выбралась на тропинку чуть выше того места, где Мишка так неудачно уронил флягу.

Из кустов в месте падения фляги раздавалось сопение и знакомый голос бормотал о мировой несправедливости и о невозможности пропустить тренировку.

– Что ты хотела узнать у Харитоновой? – спросил Богдасаров, когда фляга снова оказалась на дорожке. – Какую такую она знает тайну, которую не знают остальные? И какие тут вообще могут быть тайны? Здесь же нет никого.

– Она знает, куда делась Маринка, – произнесла Томка заговорщицким голосом.

– Известно куда, – пожал плечами Богдасаров, примериваясь, с какой стороны лучше подойти к злосчастной фляге. – Домой рванула. Это еще вчера все поняли. Одна ты из этого тайну делаешь.

– Как домой? – опешила Цыганова. – На чем же она уехала, если из местных ее никто не видел?

– Да они если что и видят, то не говорят, – Мишка взгромоздил на себя флягу и потопал вниз. – Им вообще нельзя верить. Болтают всякую чушь.

– Откуда же взяли, что Маринка уехала?

– Ты что за завтраком делала? – От удивления Мишка остановился. – Об этом всем сказали. Повариха на станции была, все выяснила. Гусеву вчера там видели. Наталья Ивановна по телефону с ее мамой разговаривала. Маринка домой звонила из города. Как билет купила, так и кинулась к телефону. Так что завтра она уже будет дома чай пить и плюшками заедать. Да ты что! С утра об этом все говорили. Гусеву из секции исключают. За де-зер-тир-ство.

Томка остановилась.

Сбежала и никому не сказала? Даже ей, Тамарке.

Стало обидно. Так обидно, что и не сказать. В сердцах Цыганова забросила ненужный уже дневник в кусты.

А она-то Светку чуть с обрыва не сбросила. Заступаться начала. Тьфу, дура!

Никакой Чумочки не было. Это все выдумка. И вычеркнула все Маринка сама. Небось, жаловалась там на тяжелую жизнь, на бесконечные тренировки, на плохую кормежку. А перед побегом стыдно стало, и чтобы никто не узнал, решила уничтожить свои записи. Могла бы весь дневник сжечь. Или с собой взять.

Впрочем, об этом Тамарка уже думала.

– Чего встала? Пойдем, – подогнал замершую Томку Богдасаров. – Может, еще на тренировку успеем.

– Слушай, раз ты все знаешь, – Цыганова догнала Мишку и пошла рядом, – Расскажи про дельфинов. А то дед что-то такое говорил, а я не поняла. Что они, мол, всех местных ученых в воду утащили.

– Это какой дед? На красной машине? – Мишка поправил сползающую со спины флягу и пошел быстрее. – Он чокнутый. Этот дед нам первый раз такой бредятины нарасказывал, что Наталья Ивановна запретила слушать.

– Какой бредятины?

Тамарке на секунду показалось, что земля с небом меняются местами. Вот уже неделю она живет в этой бухте. Вокруг происходят странные вещи. Все их видят и знают, одна она, как с необитаемого острова – а что? а кто? а куда?

– Цыганова, ну ты даешь! – Они уже стояли около столовой, и Мишка с облегчением сгружал флягу со своей многострадальной спины на землю. – Мы же об этом еще в первый день договорились никому не рассказывать. На общем костре.

А где она была в первый вечер? Вместе со всеми. И ничего не слышала? У нее затычки в ушах стояли? Нет.

Тамарка почесала макушку и вдруг вспомнила. Все сидели у костра, а ее понесло на ночное море посмотреть. Посмотрела. А ребята в это время самое интересное обсуждали. И ведь никто ей потом об этом не рассказал. А еще подружки называются...

Цыганова готова была разреваться от обиды.

Но обидеться окончательно, а заодно и разреваться она не успела. Из кухни с чашкой чая в руках вышла Наталья Ивановна.

– Значит так, голуби мои, – Наталья Ивановна сделала большой глоток.

Она редко когда кричала. Ее холодный взгляд говорил больше. Сейчас тренер на ребят смотрела именно так. Равнодушно. Но ребята поняли, что спасения им ждать неоткуда. Казни не миновать.

– Еще один пропуск тренировки, – Наталья Ивановна обхватила чашку руками, грея свои вечно холодные пальцы, – и можете собирать вещи. Отправитесь следом за Гусевой. Заодно ей привет передадите.

– А мы молоко принесли, – подала голос Тамарка, потому что не считала себя виноватой в этом прогуле. Это было случайное стечение обстоятельств.

– Значит так, – продолжила Наталья Ивановна, недовольным поворотом головы давая понять, что никого слушать она не собирается, – плавать будете в тихий час. А сейчас идите переобуваться. Кросс пять километров. Заодно принесете почту из поселка.

И она пошла к морю, где в радостных всплесках соленой воды проходила тренировка.

Мишка обиженно сопел, но говорить ничего не стал. С Натальей Ивановной спорить было бесполезно. Это ребята усвоили еще в первый год занятия плаванием.

Чтобы выказать Тамарке свою обиду, Богдасаров побежал вперед без нее. Но так как бегал он не ахти как, Цыганова быстро догнала его и пристроилась рядом.

– Так что вам этот дед рассказывал? – вернулась она к прерванному разговору.

Мишка молчал, всем своим видом показывая, что его сегодняшние беды происходят исключительно по вине Цыгановой, поэтому общаться с ней он больше не намерен.

– Мне он говорил про каких-то мертвяков. И что меня за мертвую принял, – не сдавалась Томка. – И что место, где стояла лаборатория, теперь проклято. Я и подумала, что Маринку духи утащили, – Цыганову понесло. Если нет информации, ее нужно придумать. – А тут еще Чумочка. Я ее как раз недавно видела. Она мне и сказала...

– Что ты ко мне привязалась? – не выдержал Мишка. – Хочешь услышать какую-нибудь байку, иди к девчонкам. – Богдасаров остановился и зло уставился на Томку. – Чтобы я еще когда-нибудь с тобой связался... От тебя одни неприятности!

Цыганова опешила.

Ничего себе заявочки! Это от нее-то неприятности? Кто бы говорил? Да если бы не Мишка!..

Она смотрела в спину удаляющемуся Богдасарову.

Ладно. Не хочет говорить – не надо! Без него обойдемся.

Тамарка глянула вверх на дорожку, где в жарком мареве исчезала бегущая фигура.

Хорошо! Богдасаров сам нарвался на неприятности.

Цыганова окинула взглядом склон и начала карабкаться наверх, срезая приличный кусок дороги.

Они с Мишкой встречаться не будут. Сейчас она его легко обгонит, добежит до поселка, заберет письма, и пускай потом Богдасаров сколько угодно доказывает, что он пробежал свои пять километров.

Карабкалась вверх Тамарка долго. Сыпучий камень выбивался из-под ног. Она ободрала все коленки и около поселка оказалась в весьма запыленном и изрядно побитом виде.

– А письма уже все забрали, – из-за окошка почты на Тамарку смотрели удивленные глаза служащей. – Минут пятнадцать назад прибежал мальчик и все взял.

Вот так-так!

Томка вылетела из почты.

Пятнадцать минут! Это с какой скоростью он мчался? Надо было внимательно посмотреть Мишке на ноги. Вдруг у него там сапоги-скороходы.

Цыганова сжала кулаки и побежала вниз по дорожке. Но чем быстрее она бежала, тем непонятнее становилась ситуация. Два с половиной километра легко пробегаются за десять минут. А именно такое расстояние от лагеря до поселка. Если Мишка был на почте пятнадцать минут назад, то он не только до лагеря добрался, но и письма отдать успел. Но это невозможно! Богдасаров бежит не быстрее черепахи. Он не мог за те десять минут, что Тамарка карабкалась по горам, пробежать два с половиной километра. Не мог!

Томка прибавила ходу. Сейчас она его догонит и все выяснит. Наверняка у Мишки есть какая-то своя тайная тропа. И когда Цыганова о ней узнает, Богдасарову по-любому придется выложить все, что им в первый день рассказывал дед.

Дорога вниз была не очень крутая. Тропинка словно сама подталкивала вниз. Тамарка бежала легко, быстро найдя нужный ритм.

Бежала, бежала... Бежала, бежала...

А потом посмотрела на часы. В хорошем темпе она шла минут десять, а вокруг был все тот же кустарник, белесые камешки на тропинке и никаких признаков моря. Как будто она не бежала, а все это время на месте простояла.

Цыганова споткнулась на ровном месте и растянулась, добавляя к своим ссадинам еще парочку.

– Черт! – выругалась Томка, звонко чихнула и поднялась на ноги. – Этого еще не хватало.

Она снова побежала вперед. Тропинка какое-то время шла вниз, а потом стала взбираться вверх.

У Тамарки в душе родилось нехорошее предчувствие, что она побежала не по той дороге. Видимо, от поселка вниз шло несколько троп, и сейчас Томка уверенно двигалась прочь от бухты.

– Ладно, уговорили, – пробормотала Цыганова, поворачивая в обратную сторону.

Она плохо ориентировалась на местности, поэтому не рискнула бежать по этой тропинке до конца. Внизу она и подавно потеряется, а из поселка ее направят в нужную сторону.

Камешки, колючие кусты, белесая пыль. Тамарка стала выдыхаться. Все-таки свои законные пять километров она уже отпахала. Дорога резче взяла вверх, неожиданно став чуть ли не отвесной.

Такого спуска Цыганова на своем пути не помнила. Дорога вниз была более-менее пологой.

Она опять бежит не туда?

Томка вскарабкалась на пригорок и остановилась. Даже отсюда море было не видно. Цыганова зябко передернула плечами.

День какой-то сегодня странный. Сначала дневник, потом дед с молоком. Теперь загадочная тропинка, которая не хочет никуда вести.

Можно и дальше карабкаться наверх, но сил уже не было. Для очистки совести Тамарка прошла несколько шагов в сторону поселка. Сверху посыпались камешки, предупреждая: «Не туда идешь».

– Уговорили, – повторила Томка, делая очередной поворот на сто восемьдесят градусов.

Она не была уверена, что тропинку спутала. Скорее всего ей просто не хватило терпения добежать до конца. Видимо, какой-то выступ в скале загораживает и море, и их лагерь. Его нужно просто обогнуть, а там уже свои.

И вновь Цыганова бежала вниз. Впереди нее подсказывали мелкие камешки. Словно обрадовавшись, что Тамарка возвращается, тропинка опять стала пологой и очень удобной.

Раз, два, раз, два: гулко отдавалось сердце в такт бегу.

Поворот, поворот, еще поворот, и вот оно – долгожданное море. А внизу домики лагеря.

Так, так, проверим, что успел наговорить про нее Богдасаров.

Она бодро сбежала вниз и... остановилась.

Это был не их лагерь.

Она узнала бухту, узнала обрыв, на котором совсем недавно выясняла отношения с Хохряковой-Хомяковой. Узнала все, кроме домиков, стоящих около воды.

На первый взгляд это были те же четыре строения: корпус мальчишек, корпус девчонок, тренерская и столовая. Только на берегу был еще выстроен помост, длинным языком выдающийся в море. Слева от него был отмечен водный загончик. От помоста вверх поднималась антенна. Между домиками ходили люди. Взрослые. Мужчины и женщины.

Незнакомые.

Из домика вышел мужчина в облегающем черном костюме, как у аквалангистов. Мужчина бодро дотопал до загончика, ступил в воду и вскоре скрылся из виду. Потом что-то такое произошло, из-за чего у Тамарки стрельнуло в ухе и заболела голова.

И появились дельфины. Они приближались небольшой стаей. Вожак уверенно шел впереди, высоко выпрыгивая из воды.

Зрелище было какое-то невероятное. Тамарка никогда не видела сразу столько дельфинов.

Вожак легко перемахнул заграждение и оказался в загончике. Мужчина тут же вынырнул из воды.

– Колдовство какое-то, – прошептала Цыганова. Она и не заметила, как ноги сами собой спустили ее в бухту, и она оказалась около импровизированной кухни.

– Ты как сюда попала?

Томка вздрогнула. Около кухни стояла невысокая плотная женщина с платком на голове.

Цыганова изобразила на своем лице улыбку, тряхнула головой и пошла к женщине.

– Я заблудилась, – звонко начала она. – Вроде по правильной тропинке шла, а попала к вам. Я из спортивного лагеря. Мы рядом стоим. У нас бухта совсем как ваша. Прямо копия. Наверное, я через перевал перемахнула. Вы не знаете, тут вдоль моря нет короткой дороги?

Вместо ожидаемой умильной реакции глаза у женщины продолжали быть удивленными, брови собрались недовольными морщинками.

– Ты как сюда попала? – повторила женщина, словно Томка только что беззвучно открывала рот, а не выдала, может быть, лучшую речь в своей жизни.

– Я же говорю, заблудилась, – смутилась Тамарка, неуверенно оглядываясь вокруг. Может, поблизости окажется кто-то более понятливый. – А у вас здесь научная станция? Я дельфинов видела.

Женщина развернулась и с криками «Валера!» побежала к домикам.

Томка пожала плечами. Психи, они везде встречаются.

Но из ненормальных в бухте была не одна женщина. Из домика, куда она убежала, выскочили люди. И лица их не обещали ничего хорошего.

– Эй, – попятилась Томка, – вы чего? Мне же только дорогу спросить! Я ничего не трогала!

Но люди продолжали бежать на нее. У одного мужчины в руках было нечто, похожее на ружье.

– Мама! – вырвалось из Томкиной груди, и она бросилась обратно.

Что же за день такой? Она постоянно куда-то бежит!

Карабкаться в поселок сил не было, поэтому Цыганова направилась к берегу, надеясь найти проход в свою бухту. Но успела она сделать шагов двадцать.

– Она здесь! – перед Цыгановой стояла кроха лет шести с плюшевым мишкой в руках. – Сюда!

Цыганова застыла и во все глаза уставилась на ребенка.

Куда она попала? Это было какое-то наваждение.

Со всех сторон к ней уже бежали люди.

– К морю! К морю гони! – орали они.

У Цыгановой все перевернулось в голове. Почему за ней гонятся? Что она успела сделать? Чем занимаются эти люди? Может, они ее с кем-то спутали?

– Погодите! – Томка выставила вперед руку, словно этим жестом могла остановить окружающее сумасшествие. – Я из спортивного лагеря. Мы здесь тренируемся. Здесь что-то не так!

– Из лагеря? – загудели в толпе. – Чужие. В море ее! К дельфинам! К дельфинам!

Тамарка почувствовала, что если она и дальше будет так пятиться, то окажется в море без посторонней помощи. Она глянула на далекий горизонт. Если очень постараться, то можно обогнуть мыс и оказаться в своей бухте. Только времени на это уйдет...

Эх, была не была!

Пока в толпе решали, что с ней делать, Томка по мелководью помчалась к помосту. Толпа ринулась следом.

Она успеет.

Доски под ее ногами жалобно ухнули. Помост оказался предательски скользким. Томка чуть не упала в загончик слева. Прыгая то на одной ноге, то на другой, она сдернула с себя кроссовки. Без них ей будет удобней плыть.

Вот и конец дорожки.

Тамарка набрала побольше воздуха и ушла под воду.

Нужно как можно дальше поднырнуть под водой, чтобы ее не могли сразу заметить. Сбоку мелькнула огромная тень. Цыганова сначала решила, что ей померещилось. Но вот еще одна тень начала ее догонять. Томка повернулась, и из ее легких вышел весь воздух.

За ней стремительно неслись дельфин. Рот остроносой мордочки у него была приоткрыт. И ничего доброжелательного, как рисуют на картинках или рассказывают в мультфильмах, в этом дельфине не было. Распахнутая пасть не обещала мирного приема, а множество зубов говорили о смерти быстрой и ужасной.

На рассматривание дельфиной морды у Томки ушли последние силы. Она стремительно поплыла вверх. Ноги коснулось что-то холодное и жесткое. Цыганова изо всех сил заработала руками. От нехватки кислорода кружилась голова. Взбитая морская вода клубилась вокруг. В этом водовороте мелькали огромные фигуры животных. Казалось, что их здесь сотня и они сейчас раздавят тощее Томкино тело.

Она пулей всплыла на поверхность и стала жадно глотать воздух. Из воды тут же появился темный плавник. Он разрезал водную гладь в полуметре от Тамарки и скрылся.

В голове перепуганной Цыгановой родилась жуткая картина, как дельфин хватается ее за ноги и утаскивает на дно. В ужасе она завизжала и рыбкой прыгнула вперед.

Никогда она еще так не плавала. Все тело натянулось, как струна. Ноги и руки работали в бешеном ритме. Она неслась вперед. Волосы закрывали глаза. От этого ничего не удавалось увидеть. Вода была со всех сторон.

Рядом с характерным шорохом пронеслось большое тело. Тамарка крутанулась на месте, уворачиваясь от дельфина, поднырнула и снова устремилась вперед.

В голове стучалась одна мысль – от дельфина ей не уйти.

Но она все равно плыла и плыла, кидаясь из стороны в сторону, ныряя, выпрыгивая из воды и опрокидываясь на спину.

Горы, небо и вода смешались. В какой-то момент ей показалось, что она одна создает весь этот шум и что рядом уже никого нет.

Тамарка замерла. Море ходило вокруг ходуном. Далекий берег подозрительно кренился вбок. За каждой волной ей чудился жесткий серый треугольник плавника.

Но вокруг никого не было. Поднимались и опадали небольшие волны, легкие бурунчики с шипением сбегали вниз.

Томка сжала кулаки. Ладони пронизала боль. Она с удивлением посмотрела на руки. Ладони до крови были изрезаны. Значит, дельфины подходили к ней очень близко, и их острые плавники сделали свое дело.

Она смотрела и смотрела на руки, пока не заметила, что снизу, из-под воды, на нее надвигается черная тень.

Тело среагировало быстрее головы. Руки и ноги уже работали, а голова только сообразила, что дельфины никуда не делись, что они по-прежнему за ней охотятся.

В шуме воды расслышать что-либо было невозможно. Но в уши настойчиво лезло негромкое шипение, с каким плавник прорезает воду, еле слышный всплеск, с каким дельфин выныривает на поверхность.

Дельфины догоняли Тамарку. Они хватали своими острыми зубами ее за пятки. Жесткими носами подталкивали в бок. Уводили в открытое море, откуда уже не выплывешь.

Силы заканчивались.

Тамарка еще взбивала вокруг себя воду. Но руки уже работали с трудом, ноги еле-еле шевелились, а голову все труднее было поднимать из воды. Воздух в легкие не шел. Девочка хрипло вдыхала воду и ее же выплевывала.

Вот она последний раз вскинула руку и ушла под воду.

Вода... Небо...

Тамарка сдалась и замерла. Все, пусть теперь дельфины жуют ее хоть с кетчупом, хоть с горчицей. Она больше не сдвинется с места.

Море вокруг еле слышно плескалось.

Тамарка посмотрела на бирюзовое небо. Оно покачивалось вслед за волной. И было таким спокойным и далеким.

Шелестели волны.

Больше никаких звуков не было.

Еще боясь признаться себе в чем-то, Томка огляделась.

Бухта. Горизонт. Спокойное море.

Никого.

И снизу никто всплывать не собирался.

Цыганова отплыла в сторону.

Тишина.

Не веря в свое спасение, она медленно поплыла к берегу.

Издалеко было не видно – то ли это их бухта, то ли бухта сумасшедших ихтиологов, исследователей дельфинов, до такой степени не терпящих чужаков, что топят их в море.

Сколько она плыла, Тамарка не знала. Берег приближался с явной неохотой. В какой-то момент ей показалось, что он удаляется.

Потом ей в голову пришла мысль, что это не берег, а навязчивый мираж. Что на самом деле ничего нет. Только бесконечное море.

Но вот бухта приблизилась настолько, что уже можно было разглядеть домики. Там ходили люди. Много людей.

Ну и пусть.

Мысли лениво текли в Томкиной голове. Пускай что угодно делают. В воде она больше быть не может.

Мир медленно вращался вокруг нее.

Цыганова плыла и плыла, пока коленка не стукнулась о камень. Тогда она встала. Ноги не держали. Она опять плюхнулась в ненавистную воду. И чуть не захлебнулась, не в силах поднять голову.

Потом она долго ползла на карачках. Вода все не кончалась и не кончалась.

Вокруг кричали. Размахивали руками.

– Да ну вас, – отпихивалась от подбежавших Тамарка. – Убивайте прямо тут. Я в море больше не пойду.

Ее куда-то тащили, а она все отстраняла тянущиеся к ней руки и требовала убить ее немедленно, но не отдавать на съедение дельфинам.

– Ну ты, Цыганова, совсем рехнулась, – произнес голос Мишки Богдасарова.

И Томка закрыла глаза.

Глава III

Как Тамарка не доехала до дома

Ей не поверили ни про дельфинов, ни про таинственную бухту, где живут ученые, убивающие всех, кто к ним приходит.

Наталья Ивановна грела свои вечно холодные пальцы о стакан с горячим чаем и недовольно поджимала губы.

– Кто тебе разрешил купаться, да в одежде? – строго спросила она.

Тамарка уже и не знала, что говорить.

Богдасаров сопел сбоку, всем своим видом показывая, что он тоже не верит Томкиным рассказам. По его словам выходило, что он один бегал в поселок, забрал письма и благополучно вернулся. А Тамарка, вместо того чтобы выполнять задание тренера, потихоньку вернулась с полдороги и преспокойно отправилась купаться.

– В рубашке? – от долгих криков голос Цыгановой охрип.

Мишка пожал плечами, мол, что ждать от таких, как она.

Томка переводила взгляд с одного лица на другое. Ей никто не верил. Девчонки смотрели с сочувствием, ребята откровенно усмехались. Еще бы! Сама виновата. Решила втихаря поплавать, не рассчитала силы, еще и дельфины ее напугали. Вот пускай теперь и расхлебывает заваренную кашу.

– Но все было именно так! – из последних сил прошептала Тамарка. – Это совсем рядом, можно сходит и проверить. Бухта! Такая же, как наша! Я потому и спутала!

– Значит так, голуби мои. – Стакан звонко стукнулся доньшком о крышку стола. – Закрываем эту тему. Все идут в столовую обедать, потом отдыхать. Ты, Цыганова, тоже.

– А тренировка? – подал голос Мишка.

«Все-таки Богдасаров чокнутый, – вяло подумала Томка. – Этого хлебом не корми, дай в воде поплескаться. Псих».

– Тренировки на тихий час отменяются. Всем спать. И хватит обсуждать этот бред.

– Почему бред? – вскочила Томка. – Тут идти полчаса!

– Рядом с нами нет никаких бухт, – отрезала Наталья Ивановна. – Если не веришь, можешь посмотреть карту, она есть в тренерской. На несколько километров в округе Волчья бухта единственная. Так что никаких дельфинов и никакую научную станцию с кровожадными учеными ты видеть не могла. Я уже несколько раз предупреждала, чтобы вы носили на голове панамки. Сначала бегают на солнце, а потом всякие глупости им мерещатся. Еще один такой фокус, Цыганова, и ты отправишься домой. И я думаю, что твоя спортивная карьера на этом закончится. Спорт – это прежде всего дисциплина, а в тебе ее нет. Все. Обед.

Народ потянулся в столовую. На Тамарку никто больше не смотрел.

Рядом с Томкой в столовой образовалось пустое пространство. От нее все шарахались, как от зачумленной. Словно общение с ней неминуемо приносило несчастье. Цыганова в гордом одиночестве вздыхала над своим супом, задумчиво водя ложкой по тарелке, и не понимала, что происходит.

Дельфины были? Были. Станция со странными людьми была? Была. Она даже лица этих сумасшедших ученых запомнила. Встретит на улице – обязательно узнает. И все это солнечный удар?

Томка подняла глаза и встретила взглядом с улыбающейся Хохряковой-Хомяковой. По ее виду было ясно, что она что-то знает и сильно радуется Томкиному невезению.

Цыганова вскочила. Все головы повернулись к ней.

Светка не шелохнулась.

Ладно. Она поговорит с ней потом. В другом месте.

Тамарка выбралась из столовой. Наталья Ивановна в купальнике, с полотенцем через плечо шла к морю.

– Наталья Ивановна!

У Томки было очень много вопросов к тренеру. И про старика, и про тот разговор у костра, который она пропустила.

– Наталья Ивановна, а почему Маринка домой сбежала?

Тренер недовольно посмотрела на девочку. Она не любила, когда ее подопечные приставали с вопросами.

– Не каждому дано быть в спорте, – начала она строго, но Цыганова затрясла головой. Не то! Из-за такой ерунды Маринка не сорвалась бы с места. Гусева так хотела поехать. Одна неделя изнуряющих тренировок не выбила бы ее из колеи.

– Но она любила плавать! – упрямо пробормотала Тамарка.

Наталья Ивановна перестала хмуриться и бросила быстрый взгляд на побережье. Они были одни. Убедившись в этом, она положила Томке руку на плечо и мягко сказала:

– Никто тебя выгонять отсюда не собирается. Только, пожалуйста, не наводи паники на пустом месте. Мы уже об этом говорили. Мало ли какие легенды рассказывают. Местным делать нечего, вот и выдумывают невесть что. Не становитесь похожими на них. И не надо приносить сюда их рассказы.

– Но я все это видела! – Тамарка была готова разрыдаться.

– Знаешь, Гусева тоже утверждала, что что-то видела, – Наталья Ивановна выпрямилась. – Но что здесь можно видеть? Море? Берег? – она снова пошла к воде. – Иди, отдыхай. Вечером тренировка.

Наталья Ивановна положила полотенце, легко разбежалась, и вот уже ее руки замелькали вдалеке от берега. Она очень хорошо плыла. Тамарка любовалась сильными красивыми движениями тренера, пока в ее голове не всплыли слова: «Гусева тоже что-то видела...»

Видела, видела, видела... Ну, конечно! Гусева тоже видела эту станцию, ей тоже угрожали. Маринка испугалась и сбежала. И все это она записала в дневнике. А потом кто-то все это вычеркнул. Выкрал и вычеркнул, иначе тетрадка так бы и осталась у Маринки. Дед говорил про мертвяков. А что, если?..

Тамарка и сама пока не могла объяснить свое загадочное «а что, если...». Все связано. Мертвяки, непонятная станция с дельфинами, Чумочка...

На всякий случай Цыганова сбегала в тренерский домик и посмотрела карту местности. Действительно, Волчья бухта была одна. Дальше шли бесконечные горы. За ними начинались новые бухты. Но они были другие по форме и находились далеко. Ни за что Томка не проплыла бы такого расстояния. Даже если бы за ней гнался крокодил.

А это значит, что по тропинке она спустилась в свою бухту. Только там вместо спортивного лагеря оказалась научная станция, которая была здесь много лет назад и которую закрыли, потому что творились в ней странные дела.

Хорошая картинка вырисовывается. Выходит, что здесь, на этом месте, время от времени возвращается прошлое. То-то дед говорил про мертвяков. Вот эти пришельцы из прошлого здесь и ходят. Почему же их все остальные не замечают? И что такого страшного видела Маринка?

«Надо попробовать прочесть дневник», – решила Тамарка и вышла из тренерской. На нос ей упала дождевая капля.

На море погода непредсказуемая. Только что светило яркое солнце и ничего не обещало непогоды. А вот уже и облачка набежали. И не просто легкие перистые облачка, а настоящие грозовые тучи, несущие с собой хороший ливень.

Цыганова побежала вверх. Такой дождь не только все слова в тетрадке размочит, но и сам дневник превратит в мокрую тряпку.

Дело осталось за малым. Вспомнить, куда она эту тетрадь забросила.

Дождик закапал настойчивей, и Тамарка стала соображать быстрее. Ее сегодня уже искупали в одежде. Второй раз мокнуть не очень хотелось.

В старом месте, в кустах на обрыве, тетради не было. Там, где останавливался дед на красной машине, тоже.

Цыганова поскакала вниз по тропинке. Дождь лил сплошной стеной, и о сухости одежды можно было больше не беспокоиться.

Мгновенно потемнело, и от накатившего ужаса Томка присела.

Не хватало еще, чтобы и эта тропинка привела ее не в лагерь, а неизвестно куда.

Дорожка тем временем превратилась в небольшой бурный ручей. Вода несла с собой приличного размера булыжники. Они больно стучали по ногам и подгоняли Тамарку вниз.

Цыганова стала медленно спускаться. Все равно в такой темноте она ничего не найдет.

Дойдя до того места, где они вместе с Богдасаровым утром мучились со злополучной флягой, Томка остановилась.

Сверкнула молния. Грохнул гром.

Тамарка вскрикнула от испуга, снова присела, хватаясь за голову. И вдруг вспомнила.

Мишка сказал, что Маринка просто уехала домой, и от расстройства, что все так легко объясняется, Тамарка забросила тетрадку в кусты. Взамен фляги.

Цыганова вскочила, поворачиваясь на пятках. И вопль ужаса застрял у нее в горле.

Среди колючих кустов возвышалась темная фигура. Легко ступая по колючкам, фигура сделала несколько шагов вперед и застыла посреди бурного потока.

Вспыхнула молния.

Из-под черного капюшона на Томку смотрели темные холодные глаза. Мраморно-белое женское лицо. Черные волосы выбивались из прически.

Тамарка еще толком не успела разглядеть незнакомку, как над головой у нее ударил оглушительный гром. На секунду показалось, что все другие звуки для нее исчезли.

И тогда заговорила женщина.

– Не советую ничего выяснять, – голос у женщины был низкий и хриловатый. – Уезжай!

Так вот что произошло с Маринкой! Ее просто заставили сбежать.

Пока Тамарка думала, что бы ответить, незнакомка подняла руку и показала на горы.

– Смотри!

Черная Дама была немногословна, поэтому ничего не оставалось, как ждать, что будет дальше. Цыганова проследила взглядом за рукой таинственной собеседницы. Из-за дождя видно было не очень хорошо. Вечные колючие кусты, камни. Камни, кусты. Дождь. Камни...

Томка ахнула и тут же закрыла рот ладошкой, чтобы не заорать.

Перехлестывая через камни, сминая кусты, с горы обрушился водный поток. И это был не один маленький ручеек, в котором сейчас стояла Цыганова. Это был настоящий водопад. Как будто наверху находилось еще одно море, и какой-то великан решил выплеснуть его вниз. Загрохотали огромные валуны, сдвинутые водой. Они увлекали за собой все новые и новые камни. И вот уже весь этот водоворот понесся вниз.

– Нет!

В панике Тамарка заметалась на месте. Нужно срочно бежать вниз, предупредить своих об опасности. Но поток оказался быстрее ее мыслей. Он уже был там, в лагере. И бежать было некуда. И сделать ничего нельзя.

– Убирайтесь отсюда, – все тем же неспешным голосом произнесла женщина. – Не накликайте беду на свою голову. Она может прийти внезапно и принять неожиданную форму.

Казалось, молния сверкнула прямо у них над головой. Цыганова на секунду зажмурилась. От грома заложило уши.

А потом все закончилось.

Женщины не было, только в кустах мелькнуло что-то маленькое и неразличимое. Томка протерла глаза, решив, что от ужаса ослепла.

Но нет. Были кусты. Была дорожка с заметно обмелевшим ручейком. Ливень перешел в мелкий противный дождик.

Тамарка не выдержала и плюхнулась прямо в грязь. Руки от волнения дрожали. Она потрясла головой, чтобы лучше соображать.

И увидела тетрадку. Она висела на колючих ветках обложкой вверх. На четвереньках Цыганова проползла сквозь кусты и сняла с колючек дневник. Вымок он не сильно. Обложка, словно зонтик, спасла его от окончательной и бесповоротной гибели в воде.

Томка тупо вертела тетрадку в руках, пытаясь сообразить, что же теперь делать. То ли карабкаться наверх, в поселок, и звать на помощь, то ли бежать вниз и пытаться самой что-нибудь сделать.

Так она и сидела, шмыгая носом, не в силах сдвинуться с места, прижимала к себе многострадальную тетрадку и боялась посмотреть вниз.

Дождик закончился. Выглянуло солнце. Его яркие лучи заставляли жмуриться.

Тамарка засунула дневник за пояс и протерла глаза.

Лагерь внизу стоял целый и невредимый.

От неожиданности Томка икнула.

Значит, ее опять разыграли? Устроили здесь спектакль. А она поверила. Чуть с ума не сошла от переживаний!

В сердцах Цыганова топнула ногой, поскользнулась на слякоти и кувырком покатилась вниз. Она пыталась затормозить, но сильно размытая тропинка оказалось слишком скользкой, и хвататься здесь было не за что. Тамарку неминуемо несло к столовой. Она уже приготовилась к столкновению с деревянной стенкой, как вдруг обо что-то зацепилась, и ее скольжение вниз прекратилось. Цыганова быстро ощупала себя, пытаясь определить размеры ущерба. Все было на месте. На месте... Кроме дневника!

Томка вскочила на ноги.

В пяти шагах от нее стояла Хохрякова-Хомякова. В руках у нее была перепачканная тетрадка. Она помахала «добычей» перед носом Тамарки.

– Спасибо, что нашла, – бросила Светка и скрылась за столовой.

Тамарка на всякий случай ощупала себя еще раз. После недавних событий можно было допустить, что таких дневников в округе валяется не два и не три, а целая россыпь. На каждом кусте висит.

Она похлопала по бокам. Дневника не было.

Он выпал, когда Томка кувыркалась на скользкой дорожке!

Цыганова подпрыгнула и бросилась следом за похитительницей. Светкин хвостик уже мелькал около тренерского домика.

Когда надо, и Хохрякова-Хомякова бегать может.

Томка припустила быстрее.

Слишком много вокруг тайн. Ни один нормальный человек с таким количеством неизвестности долго не протянет.

Тамарка смело врзалась в колючие кусты, оставляя после себя широкую тропинку. Но Харитоновой и след простыл.

– Одни появляются, другие исчезают, – ворчала Томка, бродя среди колючек.

От расстройства, что ничего у нее не получается, она начала топтать хрупкие растения. Под ногой они ломались со звонким хрустом. Из-за этого шума она не сразу расслышала, что рядом кто-то говорит. Если бы не коряга, за которую Томка задела ногой и упала, она бы в открытую налетела на разговаривающих.

– Теперь у меня все получится... – хрипел знакомый голос. – И ты тоже: встретимся на берегу...

Томка приподнялась на локте.

Среди вечных кустов стояла ее хорошая знакомая. Черная Дама. Вернее некто, умеющий вызывать виртуальные потоки воды и охотящийся за чужими дневниками. А перед ней без тени испуга стояла Хохрякова-Хомякова и преспокойненько передавала Маринкину тетрадку.

Так они из одной шайки! Ее, Тамарку, дельфинами травить, а Светочку на берегу ждать с распростертыми объятиями!

Цыганова вылетела из кустов.

– А ну, отдай тетрадь, чучело огородное! – завопила она. – Она не твоя!

Наверное, впервые в глазах Харитоновой появился испуг. Она тихо ойкнула, хватаясь за щеки, а потом резво побежала прочь.

– Стоять! – В Цыгановой проснулся азарт охотника. Она смело помчалась следом.

Но перед ней возникла Черная Дама.

Томка подавилась криком и закашлялась.

Глаза у Дамы были большие и какие-то нехорошие. Вскинув правую бровь, Дама смотрела на Тамарку, как будто ожидала увидеть перед собой как минимум слона, а тут что-то мелкое попало.

Цыганова кашляла и кашляла, не в силах унять приступ. Дама терпеливо ждала, когда перед ее носом перестанут трясти головой. И не моргала.

Томка подняла голову и разглядела в глазах Дамы свое отражение. Долгое время она больше ничего не видела. Только темный силуэт. Словно она забралась в этот серый неприятный глаз и решила там немного пожить. Потом мгла разошлась. Она увидела свой кулак с зажатой цветной бумажкой. Губы сами собой прошептали:

– Один. До города.

В ее руке оказался синий билетик. Перед глазами заскакали бесконечные цифры.

Над ухом кто-то произнес:

– Что же они все оттуда бегут-то?

Тамарка подняла голову.

На автобусной остановке кроме нее стояла еще бабка. Судя по виду, была она местной, из поселка.

– Почему бегут? – прошептала Томка. Громко говорить у нее почему-то не получалось.

– Место-то проклятое, – с готовностью наклонилась к Цыгановой бабка. – Кто ни поселится, все убегают. Зачем только детишек туда пустили? Поубиваются они там.

Туман в Томкиной голове потихоньку расходился. Перегретый асфальт остановки пытал жаром, солнце слепило. От этого казалось, что она все еще сидит в глазу у Дамы.

Она медленно оглянулась.

Какими судьбами ее в поселок занесло? Она же совершенно не собиралась сюда идти. Да и тихий час скоро кончится. Если она пропустит еще одну тренировку, ее точно выгонят.

– Еще когда говорили, что эту чертову бухту нужно колючей проволокой обнести, – бухтела старуха. – Мертвяков ничего не остановит. Так хоть люди туда соваться не будут. Не послушались. Все отстроили заново и сдавать начали. Им что? Главное, чтобы деньги были. А люди гибнут. Или бегут. Так что езжай, деточка, домой. Нечего вам тут делать.

– Кто не послушался? – Томка подозрительно покосилась на бабку. Странная она какая-то была. Вообще в этом поселке все были странные. Старые, неприятные. Они навязчиво лезли со своими рассказами и советами поскорее уехать.

– Да есть тут один, – бабка недовольно пожевала губами. – Бухту эту выкупил, дома построил. Из местных никто бы не взялся. А этот ни черта, ни дьявола не боится.

– А что в этом месте плохого? – Тамарке показалось, что она сейчас все поймет. Еще два слова – и точно поймет.

– Бухта-то Волчья, – торжественно сообщила бабка, словно открывала страшную военную тайну. – Недаром ее так прозвали. Волк-оборотень там двести лет жил. Всю округу в страхе держал. А до него там колдун в пещерах прятался. Он-то порчу на это место и навел. Там до сих пор бродят души умерших. Это те, что оборотень покусал. Вот они и ходят, маются. Все покой найти не могут.

– Ну и пусть ходят. Они же безобидные. – По фильмам ужасов Цыганова знала, что покойники еще какими буйными бывают. Но местные мертвяки особо кровожадным нравом не отличались. Пока, во всяком случае.

– Мертвяки-то, может, и безобидные. – Бабка глянула по сторонам, убедилась, что рядом никого нет, и приблизила свое морщинистое лицо к Томке. – Да вот сила, говорят, в земле спрятана, из людей душу выпивает, злыми их делает, заставляет друг дружку убивать. Да и как ты отличишь, кто рядом с тобой сидит. Живой аль мертвый?

И бабка засмеялась, мелко тряся головой.

«Во чушь-то, – восхитилась Томка, во все глаза глядя на старушеницу. – Это же надо было такое придумать! Чистые сказки. То-то Наталья Ивановна запретила об этом говорить».

– Давай скорее! Чего сидишь?

Цыганова вынырнула из раздумья. Около остановки тархтел небольшой автобус. Все-знающая бабка взобралась по ступенькам в салон и оттуда звала Тамарку.

– Уснула? – не унималась старушка. – Ты же билет до города покупала.

Томка машинально поднялась по ступенькам. За спиной с нехорошим шипением захлопнулись двери. От этого звука у Цыгановой по всему телу пробежали неприятные мурашки. Она глянула на свои руки, которые безжалостно трепали билетик.

В городе можно сесть на поезд и поехать домой. С этой мыслью Тамарка пришла в поселок. Но почему она решила ехать домой – упорно не вспоминалось. До недавних пор у нее и мысли не было бежать из лагеря.

Но в то же время... И Маринка ведь уехала, хотя и не собиралась. Значит, ее заставили это сделать. Как сейчас Тамарку вынудили купить билет.

Томка представила странные глаза незнакомки и свое отражение в них. Что же тут все-таки происходит?

Тамарке недвусмысленно намекнули, что ей нужно убираться отсюда, иначе... Иначе что?..

Так-так... Таинственная Дама в черном избавляется от свидетелей. Сначала Маринка, теперь Цыганова. Гусева перед исчезновением успела что-то записать в дневнике, и за ее тетрадкой началась охота. Что же за роль в таком случае у Хохряковой-Хомяковой? Почему ее не гонят домой? А может, она уже дома?

Полтора часа до города пролетели незаметно. Тамарка вышла из автобуса, проследила, чтобы сердобольная бабка отошла подальше, и снова запрыгнула на подножку.

Нетушки! Не дождетесь! Чтобы она уехала в самый интересный момент.

Водитель еще раз проверил Тамаркин билет, и автобус попылил в обратную сторону. Цыганова вышла, не доезжая до поселка одной остановки. Огородами сбегала на почту. Предупредила маму, чтобы она всем говорила: ее дочь из лагеря едет домой.

– Все подробности потом, – многообещающе прошептала Томка и повесила трубку.

Все-таки полезно иметь правильную маму. Вот у нее мама как раз была такая. Она даже прогуливать школу изредка разрешала. Так что фокус с временным исчезновением из лагеря не вызвал у нее сильного удивления. Лето. Ребенок отдыхает.

Убедившись, что на нее никто не смотрит, Тамарка перебежала дорогу и спряталась в кустах, неподалеку от злополучной тропинки.

Пуускай в лагере думают, что она уехала. Цыганова же тем временем выяснит все странности, связанные с Волчьей бухтой. Для начала нужно разузнать про загадочного хозяина, что раз за разом восстанавливает домики в бухте. И сколько этих разов уже было. Кстати, становится понятно, почему домики такие похожие. Строит-то один человек. Интересно, что произошло с научной станцией и что за эксперименты на ней проводились. Кто такая Черная Дама и какое ко всему этому отношение имеет Хохрякова-Хомякова? И главное – как Тамарка ухитрилась попасть не в свой лагерь, а на научную станцию, когда шла по тропинке. А еще – почему с Богдасаровым ничего не случилось?

Вон сколько дел.

Для начала неплохо было бы изучить тропинку.

Цыганова медленно стала спускаться, внимательно глядя себе под ноги. Если ей не изменяет память, то коварная дорожка в какой-то момент должна пойти круто вниз. И если это произойдет, значит, приведет она к сумасшедшим ученым.

Но в этот раз тропинка и не собиралась подводить Томку. Она плавно бежала вперед. Под ногами виднелось море и краешек Волчьей бухты.

Тамарка до того увлеклась изучением дороги, что чуть не налетела на поднимающихся Богдасарова и Павлова. Цыганова вовремя нырнула в кусты, и ребята благополучно протопали мимо. Мишка, как обычно, ворчал, часто поминая Томкино имя. Значит, ее исчезновение заметили, и ребят послали в поселок узнать, не уезжала ли со станции девочка из лагеря. На всякий случай вместе с Богдасаровым пошел Андрюха Павлов. Так-так... События становятся все интересней и интересней.

Цыганова довольно хмыкнула. Рассказам ее не верят, а все-таки опасаются. Значит, ее приключения не все приняли за выдумку. Панику не поднимают, но меры предосторожности приняли – одного Богдасарова в поселок непустили.

Тамарка проследила за мальчишками, подождала, пока они сходили на станцию и на почту, и проводила их вниз.

Тропинка вела себя безукоризненно. Не капризная, привела всех к лагерю.

Томка еще раз прошла туда-сюда и ничего необычного не обнаружила. Оставалось ждать, что произойдет дальше. Цыганова выбрала удобное место в кустах, откуда хорошо был виден лагерь и дорожки, ведущие к нему, и приготовилась к скорому представлению.

В лагере тем временем пополдничали и отправились на тренировку. Светка была вместе со всеми. После дождя море было спокойным и легко просматривалось до самого горизонта.

Часа два Тамарка поддерживала себя мыслями о своей высокой миссии и о том, как ее будут хвалить, когда она все узнает.

Но время шло. Живот настойчиво урчал, напоминая, что его не мешало бы покормить. А подвиги все не свершались.

Тренировка закончилась. Ребята разбрелись по домикам. Томка начала подумывать, что не все идеи, приходящие в голову, гениальны. Иногда проскакивают весьма посредственные, а порой и просто глупые.

От столовой вкусно пахло едой. Цыганова проглотила слюну и попыталась представить, как долго ее будут ругать, если она явится на ужин. Картины ей представлялись самые мрачные. Рядом с ними купание в море с дельфинами было простой детской сказкой.

Медленно наползали сумерки. Тамарка покинула свой наблюдательный пункт и перебралась поближе к лагерю. Бесконечно длинный день путался в голове. Ей одновременно хотелось спать, есть, домой и чтобы поскорее хоть что-то произошло.

В темноте море уже было неразличимо. Кухарка ушла, закрыв столовую. Но Тамарка еще днем заметила открытое окно.

Конечно, еды на кухне осталось мало. Но Томка до того была голодная, что готова была есть все, что угодно.

Она доедала батон с вареньем – больше она ничего не могла найти, – когда в окне что-то зашуршало.

Цыганова подавилась горбушкой и на четвереньках забралась под стол.

Неизвестный залез на подоконник и шелкнул фонариком.

– Ну и где ты? – пробубнил знакомый голос. – Вылезай. Я для тебя котлету с ужина оставил.

Тамарка перестала сдерживать рвущийся из груди кашель. Свет фонарика тут же метнулся в ее сторону.

– Цыганова, могла бы придумать что-нибудь более интересное, чем прятки, – проворчал Богдасаров, спрыгивая с подоконника.

– Как ты догадался, что я здесь? – прохрипела Томка, вдоволь накашлявшись.

– Весь день просидела в кустах на пригорке и думаешь, тебя никто не видел?

Тамарка хлопнула себя по лбу. Она тоже хороша! Выбрала место, откуда все хорошо видно, а о том, что и ее так же хорошо видно, не подумала.

– И что, – буркнула она, чувствуя, как щеки наливаются румянцем стыда, – все знают, что я здесь?

– Кому ты нужна. – Мишка вынул из кармана импровизированный бутерброд, где между двумя кусками хлеба лежала приплюснутая котлета. – Тетка в поселке сказала, что ты уехала в город. Твоя мама подтвердила, что ты уже купила билет.

– Меня исключат? – Томка вгрызлась в бутерброд.

– Наталья Ивановна велела не забивать голову ерундой и тренироваться, пока есть хорошая возможность.

– А ты чего здесь делаешь? – Тамарка стрескала угощение и теперь стряхивала с себя крошки. – Побежишь жаловаться на меня?

– Больно надо! – Мишка выключил фонарик и прислушался к шуму моря за окном. – Просто стало интересно, что ты на этот раз придумаешь? Организуешь шайку и будешь по ночам нападать на мирные караваны, груженные шелком и пряностями?

– Скажешь тоже, – фыркнула Томка. – Где-то здесь бродит мировое зло, и я хочу его найти.

Мишка включил фонарик. Яркий луч ударил Цыгановой по глазам.

– Совсем свихнулась? – Богдасаров внимательно изучал Томкино лицо, словно там могло быть что-то написано. – Тебе, кажется, действительно в город пора. В психушку.

Он выключил фонарик и снова прислушался. Среди шума моря слышался еще один звук – шуршание гальки. Кто-то шел по берегу.

Томка первая выбралась в окно, пробежала вдоль столовой и выглянула из-за угла. Мишка сделал проще – выглянул из противоположного окна. Именно он заметил еле приметную фигуру, удаляющуюся в сторону гор.

– Кошка, что ли, прошла, – пожала плечами вернувшаяся Томка, которая ничего не успела рассмотреть.

– Ага, кошка, – кивнул Богдасаров. – Харитоновна это была. И что это у всех девчонок такая страсть к ночным прогулкам?

– Где? Быстро за ней!

Что там ворчал Мишка дальше, Томку уже не интересовало. Она выбежала из столовой, прислушалась к удаляющимся шагам и на цыпочках направилась следом.

Богдасаров пожал плечами, прикрыл окна столовой, чтобы не так было заметно, что ночью сюда кто-то ходил, и не спеша пошел за девчонками.

Глава IV

Хозяин Волчьей бухты

Светка снова шла, не скрываясь. Уверенно так топала, точно у себя по квартире гуляла при полной иллюминации, а не по горам лезла в неурочное время в абсолютной темноте. А ведь если Наталья Ивановна узнает об ее походах, то следующая, и последняя, вылазка, Светки будет иметь направление в сторону поселка, на автобус до вокзала, и прости-прощай море, солнце, пальмы и песок.

Какое-то время Светка шла в сторону поселка, а потом свернула влево и сквозь кусты полезла в гору. Она петляла по одной ей известной тропинке, ни разу не споткнувшись.

На предусмотрительной Харитоновой были джинсы и кофта с длинными рукавами. Томка посмотрела на свои короткие шорты, перепачканную рубашку, тяжело вздохнула и потопала следом. Утренние и дневные ссадины на руках и ногах привычно заныли, напоминая о своем существовании и предупреждая, что места для новых уже нет.

В голову Цыгановой настойчиво лезли мысли, что страдает она фигней, что Светка просто нагоняет вокруг себя таинственности и никакого смысла в ее прогулках нет. Маринка тоже все что-то писала, а наверняка ведь просто хотела привлечь внимание.

Харитоновая шла вперед, Тамарка пыхтела следом. Слева то появлялось, то исчезало темное море, с одного края подсвеченное луной, которую из-за высокой горы видно не было. Сейчас, ночью, от моря веяло непонятной угрозой, как будто эта спокойная машина воды могла выйти из берегов и пойти проверить, чем там занимаются две девочки, которым давно пора спать.

Перевалив через горный перевал, Хохрякова-Хомякова исчезла. Цыганова даже в полный рост встала, но в темноте видно ничего не было. Вернее, ее-то, наверное, видно было очень хорошо. И если у Харитоновой еще были сомнения в том, что за ней следят, то теперь она могла не сомневаться в этом. Следят, да еще как!

Отсюда почему-то стало особенно хорошо слышно море. Оно шуршало неподалеку. Шуршало, шуршало... А потом стало приближаться.

Уже готовая ко всему, Томка пригнулась, и шуршание накрыло ее с головой. Цыганова зажмурилась, втянув голову в плечи.

– Чего на самом виду стоишь? Пошли.

Тамарка приоткрыла один глаз. Все с тем же шуршанием Богдасаров прошел мимо нее и стал спускаться.

– Ты как здесь оказался?

Томка успела забыть о Мишкином существовании и о том, что она сама позвала его с собой.

– За тобой иду, – отозвался Мишка.

– Идет он, – недовольно всплеснула руками Цыганова. – Надо не за мной идти, а со мной. И не пугать своими внезапными появлениями. Тоже мне, собака Баскервилей.

Тамарка шагнула за Богдасаровым, и земля ушла у нее из-под ног.

– Так и будешь всю дорогу падать? – проворчал Богдасаров, подхватывая Томку. – Разуй глаза! Здесь ступеньки!

Цыганова оглянулась и, несмотря на все Мишкины старания, все-таки упала. И только сейчас с удивлением разглядела открывшийся перед ней вид.

С этой стороны горный склон был хорошо освещен луной. Вечный спутник Земли висел низко над горизонтом. Огромный, желтый, зловещий. В его свете виднелись выбитые в склоне ступеньки. Они зигзагом спускались к небольшому домику. Отсюда домик был плохо виден,

все-таки луна – не солнце, светит не так ярко. Но и этого отраженного света было достаточно, чтобы разглядеть бегущую к домику темную фигурку.

И чего Светка во время тренировок прикидывается немощной? Вон как бежит, когда захочет.

– Ну, все! – вскочила Томка. – Сейчас я ее на запчасти разберу!

Она помчалась вниз. Но успела спуститься всего на десяток ступенек.

Луна одним своим краем коснулась далекой горы, и на ее фоне показался отчетливый силуэт огромной собаки.

Память услужливо напомнила рассказ бабки про оборотня и колдуна. Фантазия мгновенно дорисовала картину, превратив в общем-то безобидную Харитонову в зловещую убийцу с волчьей шкурой на спине.

Собака задрала голову и завывала.

Около домика появилась еще одна фигура. Богдасаров тоже проявлял невероятную прыть. У одной Тamarки от всего увиденного и услышанного ноги идти отказывались.

– Ты так и будешь здесь сидеть? – голос раздался сверху, и от неожиданности Томка подпрыгнула.

Богдасаров стоял несколькими ступеньками выше и нетерпеливо постукивал мыском ботинка.

– Сидеть можно было и дома, – проворчал он. – Идем. А то твое мировое зло спать ляжет.

Тамарка испуганно переводила взгляд с Мишки на долину, где только что видела идущего к дому Мишку.

– А ты разве не там? – спросила она, тыча рукой вниз.

– Там, но без тебя, – хихикнул Богдасаров и пошел вниз.

Томка потрясла головой. Сначала Мишка обогнал ее на склоне, когда она поднималась. И сделал это так, что она не заметила. Потом он спустился по ступенькам, потоптался около дома, снова поднялся и прошел мимо нее. И она опять его не увидела. Очень интересно.

Цыганова побежала вниз. Еще пара таких фокусов, и она начнет бояться собственной тени. И почему это Богдасаров начал командовать? Это ведь ее идея следить за Хохряковой-Хомяковой, значит, он должен стоять рядом и по возможности не высовываться.

Тамарка посмотрела на дом. На крыльце вновь кто-то стоял.

– Богдасаров! – позвала Томка, испугавшись, что Мишка сейчас все сам выяснит и слава шпиона будет принадлежать ему. А ей – ничего.

Фигура повернулась. В свете луны Томка разглядела, что никакой это не Мишка, а кто-то худее и выше.

Ступеньки кончились.

Цыганова выбежала во двор. Но теперь здесь снова никого не было.

– Прятки начинаются? – сама себя спросила Томка, ставя ногу на крыльцо. – Кто не спрятался, я не виновата.

Неожиданно дверь дома распахнулась. Тамарка юркнула за угол.

На пороге стояла Светка. Она еще продолжала с кем-то говорить и, к счастью Цыгановой, на улицу не смотрела.

– Не надо больше ничего делать, – послышался недовольный мужской голос. – Ты только мешаешь!

Харитоновна резко повернулась и сбежала по ступенькам во двор.

– Никому я не мешаю, – обиженно крикнула она. – Ты все врешь!

В дверях появился высокий красивый светловолосый парень. На нем был яркий халат до пят, перевязанный изящным шнурком. Рукава халата оказались такими длинными, что кистей рук видно не было. Мужчина выпрямился, с шумом вдохнул в себя воздух.

– Я чувствую чужих, – тихо произнес он. – Мне это не нравится.

– Это я чужая? – Светка так и подскочила от злости. – А еще брат называется!

«Брат? – От удивления Тамарка чуть не вышла из своего укрытия. – Вот это новость!»

– Уезжай отсюда! – Мужчина взялся за ручку двери, готовый закрыть ее. – Грядут перемены. Мне сейчас нет дела до фантазеров, воображающих себя волшебниками. Здесь уже побывало достаточно народу, чтобы события стали развиваться так, как надо мне. Дальше я все сделаю сам. И хватит здесь устраивать охоту на оборотня.

Томка вздрогнула и выглянула за угол. Незнакомец зашел в дом и закрыл дверь. Светка раздраженно топнула ногой.

– У, занудина, – погрозила она кулаком неизвестно кому. – Ты еще обо мне услышишь!

И Харитоновна пошла к ступенькам.

Когда Светка скрылась из виду, Тамарка выбралась из своего укрытия. От услышанного у нее кружилась голова. Так, значит, Хохрякова-Хомякова здесь не из-за любви к спортивному плаванию, а из-за брата, который отшельником живет в долине, ни с кем не общается, но все знает.

А не он ли загадочный хозяин Волчьей бухты?

Томка пошла вдоль дома, заглядывая в окна. Из-за плотных штор толком разглядеть ничего не получалось. Где-то виднелся краешек дивана, где-то разноцветный ковер, где-то угол стола. В одной из комнат кто-то ходил. Тамарка прилипла к стеклу. Эх, оказаться бы внутри и все разузнать как следует!

Некто, явно не хозяин, потому что был заметно ниже и уже, да и одет не в халат, а во что-то более уличное – джинсы, темный свитер и кепку, изучал содержимое письменного стола. Делал он это быстро и аккуратно, а не разбрасывал книги и бумаги по всей комнате, как непременно поступила бы Томка.

Значит, за таинственным жильцом следит не только она. Кому-то еще интересна тайная жизнь обладателя разноцветного халата.

Человек в комнате повернулся, и Томка отпрянула от окна.

Незнакомцем оказалась Маринка Гусева.

Нет, все-таки день у Цыгановой сегодня был сложный. Сначала дневник, потом дельфины, ураган, голод. Конечно, после такого всякое мерещиться начнет. Маму родную в каждом встречном разглядишь.

Томка полезла обратно к окну.

В комнате на этот раз стоял хозяин. Он возвышался над письменным столом, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Потом он качнулся особенно сильно и упал на пол. Раздался глухой стук.

В попытке рассмотреть, что же происходит в комнате, Тамарка сильно подалась вперед, треснулась лбом о стекло и испуганно отбежала в сторону.

Не дом, а шкатулка с привидениями. Для полной картины не хватает только, чтобы в комнате появилась Наталья Ивановна в лапах и плавательной шапочке, и тогда Тамарка вообще перестанет что-либо понимать.

На четвереньках она в третий раз подобралась к окну, прислушалась.

Вроде тихо.

Цыганова медленно привстала.

Из окна на нее внимательно смотрел огромный пес. Гигантский волкодав с лохматой шерстью и распахнутой пастью. Какое-то время собака с удивлением изучала Томку. Потом из груди зверя вырвался хриплый звук, отдаленно напоминающий лай. И псина бросилась вон из комнаты.

Тамарка метнулась в противоположную сторону. В голове снова вертелся бабкин рассказ про оборотня. Огромный пес очень на него смахивал. Парень стоял, потом упал, как говорится

в сказках, ударился три раза о землю и обернулся... лохматой собакой. И если такая укусит, все, ты тоже станешь любителем ночных прогулок и подвывания при луне.

Цыганова резвым галопом обежала вокруг дома и добралась до крыльца как раз вовремя, чтобы столкнуться там со зловещей псиной.

Пес радостно залаял и бросился следом за нарушительницей спокойствия.

– Я уже сегодня бегала! – взвыла Томка и помчалась в противоположную сторону от той, куда ей следовало направиться. То есть не к ступенькам, которые благополучно привели бы ее к Волчьей бухте, а куда-то в темноту и неизвестность.

В панике ей казалось, что звуки раздаются отовсюду. Что страшная собака обогнала ее и сейчас кинется справа или слева или возникнет прямо перед ней.

– Цыганова! – завывала собака, и Томка чуть не споткнулась от неожиданности. Дожили, оборотни ее фамилию знают.

– Цыганова, стой!

– Не дождетесь, – прошептала Тамарка, резко меняя направление. Петляя, как заяц, она отбежала в сторону и упала в кусты.

Ход был, конечно, глупый. В такой темноте собака вряд ли ориентировалась глазами. Скорее всего она шла на запах, и потому Томкины фокусы со следа ее не собьют.

Не сбили.

Цыганова лежала на земле и всем телом ощущала, как кто-то огромный бежал к ней. Собака бухала лапами, словно это не один зверь бежал, а стадо маленьких бизончиков резвились на полянке.

Тамарка сжалась, прикрыв голову руками.

Бизончики добежали до нее и голосом Богдасарова спросили:

– Ты чего тут валяешься?

Мысленно Томка чертыхнулась и приподнялась на локтях.

– Богдасаров, – простонала она. – А ты-то что здесь делаешь?

– Это я что здесь делаю? – В голосе Мишки было столько возмущения, словно Цыганова обидела его в лучших чувствах. – Какого лешего ты побежала? Я тебя еле догнал!

– Так это ты за мной гонялся? – Теперь было понятно, откуда «собака» знала ее фамилию. – Я чуть с ума не сошла от страха, а это всего-навсего был ты!

– А чего ты испугалась, если я тебя звал? – Мишка тоже стал заводиться. – Вот навязалась на мою голову!

– Я навязалась? – От такой наглости Томка растерялась и какое-то время хлопала ресницами, не в силах подобрать правильные слова. – Это ты за мной пошел! Никто тебя не звал!

– Как это не звал, если ты первая попросила помочь разобраться с Харитоновой! – Казалось, что от возмущения Богдасаров сейчас заискрит.

– Это когда было! – не сдавалась Цыганова. – Никто тебя в столовую не звал. А котлету я тебе завтра в обед отдам.

– Да с таким везением ты завтра до обеда не доживешь! Куда ты одна денешься?

Томка открыла рот, чтобы возразить, но смысл Мишкиных слов дошел до нее, и она так и застыла с открытым ртом и разведенными руками. Мишка, решив, что его красноречие достигло своей цели, удовлетворенно кивнул и протянул Томке руку, предлагая взяться за нее, как за спасательный круг.

– С чего это меня все стали считать невезучей? – тихо спросила Тамарка, демонстративно пряча руки за спину.

– А какая ж ты? – Мишка не заметил, что Цыганова на что-то обиделась. Он продолжал тянуть свою руку. – Слушай, ты точно с луны свалилась. Да в такую дурацкую ситуацию могла попасть только ты!

Тамарка начала пятиться, обиженно сопя.

– Цыганова, хватит придуливаться! Пошли, – Богдасаров требовательно тряхнул раскрытой ладонью. – Ну, правда! Скоро утро будет, а мы еще не ложились.

– Катись отсюда! – зло выкрикнула Томка. – И не ходи за мной! Не нужна мне твоя помощь!

– На что ты обиделась? На невезучесть? – Мишка все еще держал руку на весу. – Помнишь, окно в бассейне разбилось? Никто не порезался, одна ты ухитрилась осколок найти. А на соревнованиях? Все нормально в воду прыгали, а ты тогда еще лоб разбила, попав на бордюр. И с поселком. Все же нормально ходят, никто ни на какую научную станцию не попадает.

– Отстань от меня!

Тамарка снова побежала. Ее душили слезы. Какой дурацкий день. Когда же он кончится? Как она устала бороться с неизвестностью! Почему ей никто не верит?

Она кружила и кружила по склону горы, пока не поняла, что топчется на одном пяточке и что за ней уже давно никто не идет.

– Бросил, да? Бросил? – зло прошептала Цыганова. – Спать пошел? Гад! – Она уселась на камнях и зарыдала в голос. – Тренировка у него завтра! Ему отдыхать надо! А у меня, может быть, этого завтра не будет! – Ей вдруг стало нестерпимо себя жалко. – И тренировок больше не будет. И обедов с завтраками.

Голова ее сама собой упала на колени. В такую беспросветность она давно не попадала.

– Сами вы невезучие, – бормотала она, слизывая с губ соленые слезы. – Я вам еще докажу! Вы у меня еще увидите!

Нет, ну вы слышали? Ее считают невезучей. Кто бы говорил! Подумаешь, руку стеклом распорол, с кем не бывает? Ну, прыгнула неудачно. Этот бортик сам под ней оказался. Мишка однажды тоже поскользнулся на мокром кафеле и плюхнулся в воду. Над ним тогда все смеялись.

Тамарка зябко передернула плечами.

Выходило неубедительно. С ней действительно постоянно что-нибудь приключалось.

– Ладно! – Цыганова встала, решительно одернула на себе рубашку. Смахнула с носа остатки расстройства. – Я вам докажу, что мне можно верить.

Значит, все считают ее рассказы выдумкой? Хорошо, она приведет в лагерь оборотня. И когда ребята увидят, как он превращается обратно в человека, ей поверят и про дельфинов.

Почему-то именно за дельфинов ей было особенно обидно.

Луна уже спряталась за хребтом, и в долине стало совсем темно.

Тамарка никогда не имела дела с оборотнями, поэтому плохо представляла себе, как их ловить, а главное, как потом переправлять в лагерь.

Дом уже был в двух шагах от нее, а правильной мысли в голове так и не родилось.

– Хорошо, на месте разберемся, – шепотом подбодрила она себя.

Бодрее на душе не стало. Наоборот, где-то в подсознании билась тревожная мысль, что нужно бежать отсюда. И чем скорее, тем лучше. Но Цыганова велела сама себе не впадать в панику. Во-первых, еще рано – ничего не происходит. А во-вторых, в душе у нее сидела слабая надежда, что Мишка далеко не ушел, а вдвоем они с оборотнем как-нибудь справятся. Сложнее будет не добычу в лагерь тащить, а уговорить Богдасарова ей помочь.

Без света луны, с темными окнами, дом перестал выглядеть нарядным и красивым. Сейчас он был похож на старый обшарпанный сарай, который забросили двести лет назад.

Наверное, если бы Тамарка не была так рассержена на Мишку, она бы хорошенько подумала, прежде чем соваться в дом, где живет оборотень. Будь у нее за весь этот длинный день свободная минутка, Цыганова бы давно поняла, что судьба всеми возможными способами предупреждает: держись подальше от всех этих непонятностей и неизвестностей. Но времени на раздумье у Томки не было. Поэтому она решительно шла вперед, заглушая всякие мысли о возможных последствиях.

Цыганова три раза обошла вокруг дома. Собаки нигде не было.

Она заглядывала в окна, пытаясь рассмотреть, где спит хозяин. Но и это ей узнать не удалось.

Заканчивая третий обход, Томка чуть не столкнулась с незнакомцем, входящим в дом. Она как раз вовремя вышла из-за угла, чтобы заметить темный плащ, мелькнувший в дверном проеме.

«Какое оживленное место, – хмыкнула про себя Томка. – Ночь, а гости так и идут».

Ну, где один гость, там и второй не помешает. И Тамарка уверенно шагнула на крыльцо.

Дом был все так же тих. Ни шорохов, ни звуков. Даже часы не тикали. Хотя в таком месте обязательно должны были быть огромные напольные часы с громким ходом.

Цыганова медленно шла из комнаты в комнату. К своему удивлению, она заметила, что все они очень похожи. Везде на полу лежал большой ковер, вдоль стен стояли диваны и кресла, в углу письменный стол. Дом очень походил на жилище десятка близнецов, которым нравится жить в одинаковых условиях.

– «Белоснежка и семь гномов», – вспоминала она похожие ситуации. – «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях».

Опять не то... Если ей не изменяла память, то в обеих сказках красавиц травили. И только прекрасный принц был в силах их спасти. А вот с принцем у Цыгановой дела обстояли не очень хорошо.

Помня о том, что здесь помимо нее есть еще один гость, Томка старалась ходить как можно тише. Она уже дошла до конца коридора и подумывала, а не послать ли все куда подальше и не отправиться ли в лагерь, обо всем рассказать Наталье Ивановне, и пускай взрослые сами решают, что с этим делать. На то они и взрослые, чтобы расхлебывать дела, заваренные их подопечными.

Убедившись, что последняя ее мысль гениальна, Томка развернулась в сторону двери, а потом с еще большей скоростью крутанулась в обратную сторону.

Дорогу к выходу загораживал гигантский волкодав. Собака и сама была удивлена таким поздним гостем, а потому не гавкала, не пыталась разорвать Цыганову на мелкие лоскутки. Она только открывала и закрывала пасть, с всхлипыванием втягивая в себя воздух.

Тамарка прыгнула за последнюю дверь и захлопнула ее перед черным мохнатым носом. Собака возмущенно царапнула возникшую между ней и добычей преграду и затихла.

– Так ты меня и достала, – торжественно прошептала Томка, уткнувшись лбом в косяк двери, хотя руки и ноги у нее тряслись от пережитого страха.

А потом она забыла, как дышать. Потому что за спиной у нее явно кто-то был.

Представьте, что вы бежите по коридору, спасаясь от завуча. Забегаете в первый попавшийся кабинет и облегченно выдыхаете. Но по характерному покашливанию за спиной понимаете, что стоите вы не в обыкновенном кабинете, а в кабинете директора, и этот самый директор с удивлением изучает сейчас ваш затылок.

Тамарка чувствовала то же самое. Она медленно повернула голову. За спиной у нее был, конечно, не директор, а кое-кто похуже.

По середине комнаты в свой полный неумолимый рост стояла Черная Дама (сколько раз Томка ее встречала, она все время стояла и ни разу не была в другой позе). Перед ней в кресле сидел хозяин в своем длинном халате.

Дама пристально смотрела на молодого человека, и вряд ли в этом взгляде было что-то дружелюбное, потому что хозяин мелко дрожал, по его бледному лицу катился пот. Если ко всему этому добавить, что происходило все это в полной тишине, и только повизгивание собаки за дверью доказывало реальность всего этого кошмара, то не трудно догадаться, что Тамарка завопила.

– Мама! – орала она, при этом изо всех сил дергая ручку двери на себя, совершенно забыв, что открывается она в противоположную сторону. – Пустите! Мамочка! Я больше не буду.

Краем глаза она заметила, что Дама прервала свое ужасное занятие и стала поворачиваться в ее сторону.

– Ты?! – прохрипела Дама. – Еще жива?

Видимо, Дама собиралась много что сказать несчастной Тамарке. Популярно объяснить, кто она и куда сейчас отправится. Но Томка слушать ее не стала. Из последних сил она рванула на себя дверь. Дверная ручка жалобно всхлипнула и осталась у нее в кулаке. В сердцах Цыганова швырнула ручку в дверь, и от толчка та приоткрылась. Томка на секунду обернулась. Она успела увидеть Даму, пронзительным взглядом буравящую ее насквозь. Хозяина, поднявшегося из кресла и... превращающегося в волка.

Нет, нет! Она ничего не видела!

Цыганова зажмурилась, бросилась всем телом на дверь, споткнулась о мирно сидящую на пороге собаку, какое-то расстояние пробежала на четвереньках. Сзади раздался хриплый лай.

Тамарка бежала, уже не понимая, куда бежит. Стены стали предательски сужаться. Двери совершали дьявольский хоровод вокруг ее несчастной головы.

– Не подходи! Зашибу! – заорала она, кидаясь головой вперед в темноту.

Под ее протянутыми вперед руками стена ушла в сторону. Томка споткнулась о порог и кувырком влетела в комнату. Она потянулась, чтобы закрыть за собой дверь, но не успела. На пороге уже стояла черная фигура.

– Я больше не буду! – завизжала Тамарка, пряча лицо в ладони.

– Не будешь, – эхом отозвалась Черная Дама.

Цыганова попыталась отклониться в сторону от прожигающего насквозь взгляда, но Дама была неумолима.

В Томкиной голове прочно поселилась мысль о скорой гибели.

«Пропала, пропала, пропала! – билась она молоточками внутри Цыгановой. – Зачем я сюда пошла?»

Над ее ухом оглушительно залаяла собака, раздался звук рвущейся материи.

Томка вся сжалась, понимая, что теперь ей точно не спастись. Если не Черная Дама, то уж собака наверняка разберет ее на составляющие. Сверху на нее что-то упало, еще больше пригнув к полу. Потом Цыганова долго ползла и все никак не могла выбраться на свободу. Где-то в отдалении слышался собачий лай, звенело разбитое стекло, сыпала проклятьями Дама. Казалось, сам дом качается, готовый вот-вот упасть.

Когда Тамарка уже была готова сдаться и умереть, она вдруг освободилась. Матрац, под которым она ползала кругами, отлетел в сторону. В лицо пахнуло ночной прохладой из разбитого окна. Где-то поблизости еще продолжали бороться, но Томка больше уже не хотела во всем этом участвовать. Из последних сил она взобралась на подоконник и выпала на улицу, вместо твердой земли встретившись с чем-то мягким.

– Мама!

Тамарка с ужасом схватилась за горло, потому что она только собиралась закричать, а звук уже раздался.

– Ай!

Цыганова наконец очутилась на земле. Рядом с ней кто-то копошился, пытаясь встать.

Решив, что, пока она была в комнате, коварный колдун сделал ее копию и пустил вместо нее на улицу, Томка шустро вскочила на ноги и бросилась прочь.

Бежала она недолго, потому что очень скоро споткнулась и оставшийся путь проделала кувырком. Звезды у нее над головой совершили небольшой круг почета. И наступила ночь. Глубокая и непроглядная.

Цыганова зажмурилась, чтобы больше ничего не видеть и не слышать. Для выполнения второго желания нужно было как минимум зажать уши. Этого она не сделала, поэтому какое-то время тихо выла от ужаса, прислушиваясь к собственному голосу. А потом к ее вою присоединились другие звуки.

Вот негромко прошуршала трава. Послышалось тяжелое дыхание. Потом вздохнули и звонко чавкнули.

Томка приоткрыла один глаз.

Прямо над ней сидел волкодав. Он покосился на Цыганову нехорошим темным глазом и зевнул, с чмоканьем закрыв пасть.

– Ты меня есть будешь? – Видимо, у Тamarки случилось временное помутнение мозгов, иначе она ни за что не стала бы разговаривать с собакой.

– Обязательно, – ответила собака, не разжимая пасти. – Сначала распилю на кусочки, а потом буду долго варить.

– Подавишься, – со злобой в голосе произнесла Томка. Больше сомнения не было – перед ней сидел настоящий оборотень. Если бы ей только удалось привести его в лагерь...

– Не подавлюсь, я аккуратно. – Волкодав тяжело задышал, свесив набок язык.

Тамарка так устала, что спорить с оборотнем не стала.

– Ну и жуй, – смирилась она. – Только предупреждаю, я буду громко орать.

– И откуда вы на мою голову свалились?

Оборотень почему-то раздвоился и стал говорить с двух сторон, при этом собака завиляла хвостом и подняла морду в противоположную от Томки сторону.

– Кстати, я должен сказать тебе спасибо, – произнес уже неизвестно кто, потому что собака успела уйти, а голос остался. – Ты меня избавила от большого количества проблем.

Цыганова удивленно приподняла голову.

На камне неподалеку от нее сидел хозяин домика. Он успел переодеться в темный костюм, на руках у него были перчатки.

– Ой, – пробормотала Томка, хватаясь за макушку. – А я думала, собака говорит.

– Никогда не слышал о говорящих собаках, – улыбнулся хозяин.

– Так ведь она оборотень!

Молодой человек на секунду замер, словно для переваривания Томкиных слов ему понадобилось время. А потом снова улыбнулся.

– Интересная версия, – произнес он. – До недавнего времени оборотнями были волки, а не ньюфаундленды. Но если все изменилось, то Чаку эта новость понравится. А ты, я так понимаю, из лагеря?

– Мы тут плаваем, – Тамарка подумала, что надо обязательно объяснить, что ничего плохого они в бухте не делают. – Очень хорошее место для тренировок. Только ходить у вас тут некуда, скучно.

– Я заметил, – кивнул парень и поднялся. – Ну что же, вставай.

– Зачем? – Томка насторожилась. В доме ее ждали одни неприятности, так что идти туда не хотелось.

– У тебя три варианта, – хозяин был на редкость терпелив. Наталья Ивановна на его месте давно бы уже возмущенно велела не приставать к ней с глупостями, а выполнять, что велят. А этот объясняет: – Ты можешь вернуться обратно в лагерь. Но в темноте ступеньки ты не найдешь, тем более тропу на противоположном склоне. Значит, тебе придется сидеть здесь до восхода солнца, это еще часа три-четыре. А может, и больше, потому что в долину солнце приходит поздно. И, наконец, ты можешь пойти со мной, спокойно попить чаю и лечь спать. Наверняка в лагере тебя уже не ищут.

– Не ищут, – сокрушенно покачала головой Тамарка.

– Значит, вставай.

Об оставшихся двух вариантах Тамарка даже не вспомнила. Она с готовностью вскочила на ноги и пошла следом за молодым человеком. Какое-то время они двигались молча. Тамка шла и удивлялась, что успела так далеко убежать, что еще минуту назад готова была умереть неизвестно за что, а сейчас идет рядом с незнакомцем и ей хорошо и спокойно. Вдруг она вспомнила о своем намерении привести в лагерь оборотня. Цыганова посмотрела на весело прыгающего Чака. Нет, наверное, он не тот, кто ей нужен.

– Скажите, – робко начала она, – а правду говорят, что где-то здесь живет оборотень?

– А правду говорят, – тут же отозвался хозяин, – что если долго заниматься плаванием, жабры отрастают?

– Я серьезно, – нахмурилась Тамка. – Мне очень оборотень нужен.

– Я бы тоже не отказался с оборотнем познакомиться, – кивнул хозяин. – Говорят, они веселые.

– А вы видели здесь дельфинов? – Тамарка решила поговорить про оборотней позже.

– Отсюда море не видно, – послышалось в ответ.

Тамка закусил губу. Ей хотелось задать столько вопросов, ей так хотелось все выяснить. А вредный хозяин, видимо, не собирался облегчать ее жизнь подробным рассказом.

– Что от вас хотела Черная Дама? – Цыганова попробовала зайти с другой стороны.

– Черная Дама? – удивленно переспросил хозяин. – Интересное имя. Впрочем, неважно, как называть, смысл остается один и тот же. Считай, что это то самое мировое зло, с которым ты собиралась бороться.

Тамка на секунду отстала, удивившись, что хозяин об этом знает.

– Здесь хорошая акустика, – он обвел рукой далекие горы. – Я слышал ваш разговор.

– А что она от вас хотела? – Тамарка догнала ушедшего вперед хозяина.

Молодой человек остановился, так что Цыганова чуть мимо не пробежала.

– Запомни, все идет так, как должно. – Хозяин стоял, засунув руки в карманы. – Все правильно. Я рад, что сейчас в бухте именно вы. Ничему не удивляйся. Просто старайтесь здесь продержаться как можно дольше. Ваша тренер права – лучшего места для тренировок не найти. Просто плавание – это не твой вид спорта...

Его перебило хриплое гавканье Чака. Псина сорвалась с места и тяжелыми прыжками унеслась в темноту. Издалека раздался его злой, кашляющий лай. А потом по долине пронесся неприятный вой. Хозяин перестал улыбаться. Он жестко взял Тамарку за плечо и подтолкнул к дому.

– Иди, занимай любую комнату, ложись отдыхать. И больше ни в коем случае не выходи сегодня на улицу. Поняла?

«А как же чай?» – подумала Тамарка, которая не прочь была бы сейчас подкрепиться.

– А чай мы с тобой потом попьем, – махнул рукой хозяин и, сильно пригнувшись к земле, побежал за собакой.

За Томкиной спиной скрипнула, открываясь, дверь. Цыганова медленно поднялась по ступенькам, заглянула в темный коридор. Никого там не было. Дверь открылась сама по себе.

– А чего это она? – начала Тамарка, но отвечать на вопрос было уже некому.

Тамке очень хотелось побежать следом и все выяснить. Она сделала шаг с крыльца, но налетевший порыв ветра бросил ей в лицо новую порцию воя. Тамарка машинально перешагнула через порог и захлопнула за собой дверь.

Все, приключений на сегодня хватит! Ни одна тайна не стоит бега по пересеченной местности в темноте с вероятным оборотнем где-то поблизости.

Цыганова выбрала первую попавшуюся комнату и закрыла за собой дверь на замок. А то ходят тут всякие. Да и черную собачью морду Чака перед своим лицом спросонья увидеть тоже не большая радость.

Диван оказался застелен простыней. В ногах лежал аккуратно сложенный плед. Для головы предлагалась диванная подушка.

Очень мило.

Можно было пойти и проверить соседние комнаты, вдруг там диваны так же застелены. Или ей просто повезло? Но сил уже ни на что не было. Вид белой простыни и подушки напомнил, что у Тamarки сегодня был тяжелый день. Она забралась под колючий плед и мгновенно уснула.

Глава V

Бухта проклятых

Есть такой закон – ты можешь спать сколько угодно, хоть пять часов, хоть пятнадцать. Но для полного счастья все равно не хватит десяти минут. Тебя разбудит вой машинной сигнализации за окном, радостное чириканье воробьев, будильник или гроыхание посуды на кухне.

Дверь в Тamarкину комнату скрипнула, и Цыганова демонстративно завернулась в одеяло. У ее мамы был талант будить дочь в самый интересный момент сна. Как будто сонная Тамарка будет соображать на уроках лучше, чем отдохнувшая. И кто только придумал начинать занятия в восемь тридцать? Может, на первый урок не пойти?

Томка попыталась вспомнить, что сегодня первым уроком, и не смогла.

По спине пробежали противные мурашки.

Какие уроки, она же...

Цыганова быстро села на диване и испуганно завертела головой.

Приоткрытая дверь слегка покачивалась от сквозняка.

Томка моргнула. Дверь осталась приоткрытой.

Но она отлично помнила, как закрывала ее ночью на замок. Чтобы собака не заходила, да и вообще...

Значит, пока Тамарка спала, в комнату входили. Зачем?

Она посмотрела на себя. Руки-ноги на месте, рубашка и шорты тоже. А может?..

Цыганова быстро оглянулась. Комната неуловимо изменилась. На окнах висели другие шторы. Диван превратился в кровать, а колючий желто-бежевый плед в черное покрывало. Стул был отставлен от стола, словно на нем кто-то сидел, ожидая, когда Тамарка проснется. И в последний момент этот кто-то вышел, скрипнув дверью.

Томка вытаращила глаза на дверь. Та продолжала покачиваться. Словно за ней кто-то стоял.

Тамарка на цыпочках подбежала к выходу.

В щель между косяком и дверью на нее смотрел немигающий серый глаз.

Первым желанием Цыгановой было спрятаться под одеяло и проснуться где-нибудь в другом месте. Она даже к кровати подбежала и схватилась за покрывало, но тут же откинула его, поняв, что этим сейчас не спасешься. Дверь качнулась. Тамарка бросилась к ней и резко дернула на себя ручку. От грохота дом дрогнул. Если кто-то еще спал, сейчас он должен был проснуться и прийти на помощь.

Со стороны коридора немедленно дернули дверь обратно.

– Мамочки, – всхлипнула Томка, мысленно прося, чтобы помощь пришла как можно быстрее.

Слишком уж неожиданно появилась эта дурацкая Дама. И слишком уж все было хорошо, чтобы сейчас стало совсем плохо.

Дверь дернули сильнее.

Томка сжала зубы и уперлась в косяк ногой.

Шалишь! Она так просто не сдастся!

– Помогите! – заорала она в сторону окна.

Вряд ли Черная Дама бродит здесь с согласия хозяина. Стоит его только разбудить, и с ней будет покончено. Кажется, у хозяина с этой мадам свои счета.

– Помогите! Эй, есть кто?

В доме стояла подозрительная тишина.

Вдруг Тамара почувствовала, что за руку ее кто-то трогает. Она перестала орать и повернулась.

Сквозь дверь торчала кисть в черной перчатке. Дама играючи отгибала Томкины пальцы, заставляя отпустить ручку. Тамарка рухнула на пол. Рука между тем просунулась в дверь по локоть. Щелкнул замок.

На пороге стояла Черная Дама. Она холодно смотрела на свою жертву.

Тамарка на четвереньках проползла всю комнату и уперлась в стену. У нее оставался единственный выход – окно.

– Дети! – Дама как обычно была немногословна. – Вы должны были уехать. Вас вообще не должно здесь быть! Вы мешаете мне.

Дама резко повернулась. От этого движения предметы посыпались со своих мест. Томку откинуло на пол. Она больно стукнулась затылком, мысленно ругая себя за то, что занялась таким опасным видом спорта, как плавание. Играла бы в шашки – ничего бы этого не было.

«Только бы убежать», – твердила она себе, ожидая, пока Дама перестанет буянить и крушить мебель.

Когда мини-ураган в отдельно взятой комнате прекратился, Цыганова торопливо вскочила.

– Все, считайте, меня уже нет!

Тамарка дернула на себя створки окна. Они не поддались. Томка стала шарить рукой по раме в поисках шпингалета. Его тоже не было. Видимо, окна и не должны были открываться.

– Ладно, выйду в дверь! – пробормотала Цыганова и, стараясь не смотреть на Даму, направилась к выходу. – Больше вы меня не увидите! Я и другим скажу, чтобы не отвлекались от своих занятий.

Дама, не шевелясь, смотрела на нее. На мгновение Тамарке показалось, что она снова увидела свое отражение в этих ледяных глазах. Цыганова тут же отвернулась. Не хватает в очередной раз очухаться в автобусе, идущем в неизвестном направлении.

– Я правда больше не буду, – прошептала Томка, чувствуя, как от волнения у нее начинают потеть ладони. – Отпустите меня.

– Не будешь, – наконец кивнула Дама. – Иди.

Она чуть отошла в сторону, показывая, что путь на волю свободен.

Мысленно выдохнув, Тамарка побежала в коридор. Она хорошо помнила, что ночью дошла до первой комнаты и легла спать. Сейчас же она стояла в начале небольшого коридора. Дверь на улицу маячила далеко впереди, хотя должна быть совсем близко.

Томка неуверенно оглянулась на Даму. Та кивнула, давая понять, чтобы Цыганова не особенно мешкала.

Ладно, предположим, что от усталости она все перепутала, длинный коридор на самом деле оказался коротким, и зашла она чуть дальше, чем ей показалось вчера.

Цыганова выбежала на крыльцо. В лицо ей пахнуло солнцем, морским воздухом. В глазах заискрило от бликов на воде.

В десяти метрах от нее плескалось море. Оно лениво накатывало волну и так же лениво отбегало обратно. Слева длинным языком вперед уходил помост, рядом загончик, у начала помоста вверх поднимается высокий хлыст антенны.

– Ты смотри, опять они появились!

Томка затравленно оглянулась.

– И лезут, и лезут! Как тараканы!

К Тамарке шли люди. Из-за спин взрослых вперед пробивалась маленькая девочка с плюшевым мишкой.

– Подождите... – Цыганова попятилась. Голова ее отказывалась принимать то, что видели глаза. – Я здесь случайно! Мне, видимо, нужна была другая дверь. Извините.

Она крутанулась на пятках, чтобы вернуться в дом, но дверь перед ее носом захлопнулась.

«Я сплю, – решила Томка, утыкаясь лбом в дверь. – Это все мой персональный кошмар. Сейчас зазвенит будильник, и мама позовет завтракать. Надо только проснуться. Проснуться...»

– Убирайся отсюда! – Тamarку столкнули с крыльца, так и не дав выбраться из странного «сна». – Вон из бухты. Отправляйся в ад!

Все-таки не сон.

– Уже иду! – заторопилась Цыганова.

С ходу она никак не могла сообразить, куда бежать, непривычно ватные ноги отказывались слушаться. Так она и сидела на песке, бормоча:

– Сейчас, сейчас...

И встретила взглядом с девочкой. Той самой, державшей в руках игрушку. Для ребенка у девочки оказались необыкновенно ледяные глаза. Она внимательно посмотрела на Томку, шмыгнула носом, переложила мишку из руки в руку и закричала тоненьким голосом:

– В море ее! К дельфинам!

От неожиданности Тamarка закашлялась. Но глаз от девочки не отвела, поэтому успела заметить свое немного искаженное отражение в ее серых ледышках. Кашель застрял у нее в горле.

– Не может быть, – прошептала Томка, вспоминая такие же странные глаза у своей недавней знакомой – Черной Дамы.

Как только она об этом подумала, силы тут же вернулись к ней. Цыганова прикинула свои шансы на победу. Шансов этих было маловато.

«На старт! Внимание! Марш!» – скомандовала она себе мысленно и сорвалась с места. На четвереньках проскочила мимо замерших людей и побежала подальше от моря. Тело работало четко и слаженно, как на соревнованиях. Люди еще только поворачивали головы, а Томка уже мчалась прочь от домиков. Но далеко уйти ей не удалось. Под ноги попало что-то мягкое. Тamarка кувыркнулась на жестком песке, и ее тут же подхватили на руки. Пока Цыганову поднимали, она успела заметить на земле плюшевого мишку, о которого как раз и споткнулась. На ее глазах мишка потерял свои очертания и коричневой жидкостью ушел в песок.

– Не хочу! Пустите! – завопила Цыганова, пытаясь вырваться. Страх от увиденного прибавил ей силы. – Я обыкновенный человек! Помогите!

Ее несли к морю. У загончика появились треугольники плавников.

– Вы же сейчас человека убьете! – из последних сил орала Томка.

– Да куда уж тебя еще больше убивать? – добродушно гудел бородач, в прошлый раз названный Валерой. – Ты и так уже мертвая.

– Я не мертвая, – замотала головой Тamarка. – Я живая. Сами вы мертвые.

Дельфин взметнулся над загородкой. За ним второй, третий. Цыганова замерла, с удивлением глядя на бесплатное представление.

Вдруг всплески воды перекрыл надрывный собачий лай. Томка тут же оказалась на земле. Ее недавние преследователи теперь сами бежали кто куда. Они натыкались на Тamarку, падали, сыпали проклятиями и спешили дальше. Оглушенная падением, Томка наконец смогла разглядеть скачущего по берегу Чака. Он гонялся за людьми, набегал на них, и потом что-то такое происходило, из-за чего люди под его огромными лапами исчезали.

Из толпы вынырнула еще одна собака. Она была заметно крупнее Чака, со светло-серой короткой шерстью. Незнакомый пес злобно рычал в сторону бегущих людей, и те словно сквозь землю проваливались.

Чак добежал до Тamarки и радостно запрыгал вокруг. Потом он цапнул ее за рубашку и потащил за собой.

– погоди! Дай встать! – Одной рукой Цыганова вытирала слезы, другой отмахивалась от псины, которая все норовила лизнуть ее в лицо.

Вдвоем они побежали по берегу. Чак свернул в горы, ведя Томку к перевалу. Напоследок она бросила взгляд на бухту.

Дельфины большой стаей шли к горизонту. На берегу никого не осталось. Только светлая собака бегала вдоль кромки воды, к чему-то принюхиваясь. А по противоположному склону к поселку бежала сломя голову невысокая фигурка. Двигалась она неестественно быстро, в несколько крупных скачков преодолев весь подъем, и вскоре скрылась из виду.

– Просто фантастика какая-то! – ахнула Томка, но Чак не дал ей подивиться вволю. Он нетерпеливо потянул Тamarку дальше.

Солнце уже поднялось высоко. Ступеньки нагрелись и со звоном откликались на быстрые шаги. Цыганова всю дорогу оборачивалась, ожидая, что их сейчас нагонит вторая собака, которая после трех ударов о землю должна непременно превратиться в хозяина. Но сзади никто не шел. Они спустились почти до самого домика, а на ступеньках так никто и не появился.

– Может, за ним нужно сходить? – спросила Тamarка Чака, посмотрела вперед и от неожиданности села на последнюю ступеньку.

На пороге дома стоял хозяин. И хотя светило жаркое солнце, одет он был в теплый костюм, да еще зябко ежился, рукой в перчатке прикрывая глаза от ярких лучей.

– А разве вы?.. – Томка глянула на перевал, откуда только что пришла. Она была абсолютно убеждена, что светлая собака это и есть хозяин. Значит, он никак не может быть здесь и изображать из себя учителя литературы, которому вместо поэмы «Бородино» прочитали «В траве сидел кузнечик». А именно такое лицо сейчас было у человека, стоящего на крыльце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.